

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

БУБНОВЫЙ ТУЗ

Деньги на стол, господа!

Евгений Сухов

Бубновый туз

«ЭКСМО»

2006

Сухов Е. Е.

Бубновый туз / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2006 — (Деньги на стол, господи!)

Легендарный жиган, головная боль чекистов и уголовного розыска, Кирьян Курахин по кличке Фартовый снова на свободе. Друзья отбили его у конвоя, и понеслась, закружилась вольная и опасная жиганская жизнь. Загудели малины на Хитровке и в Марьиной Роще, затрещали сейфы нэпманов с деньгами и драгоценностями, начались грабежи в дорогах ресторанах. Но и этого мало – лихой жиган напал на автомобиль Ленина и чуть не взял вождя в заложники. Московские чекисты сбились с ног, охотясь на Кирьяна. Лично Дзержинский занялся этим делом. И лишь немногие посвященные знают, что в этой громкой операции есть тайная задача и для ее решения надо, чтобы бесшабашный жиган еще немного погулял на воле. Придет и его черед...

© Сухов Е. Е., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Сухов

Бубновый туз

Часть I

ГОНИТЕ ВАШИ ДЕНЕЖКИ

Глава 1

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Петерс остановился перед высокой дверью, расправил гимнастерку под ремнем и уверенно постучал.

– Войдите, – раздался приглушенный голос.

Яков Христофорович перешагнул порог кабинета Председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии.

– Вызывали, Феликс Эдмундович? – от дверей спросил Петерс, не решаясь проходить без приглашения.

– Проходите, Яков Христофорович, – по-дружески пригласил Дзержинский, показав на свободный стул, стоящий от него по правую руку.

Петерс сел и в ожидании посмотрел на Дзержинского. Между Председателем ВЧК и его заместителем, Петерсом, с первых же дней сложились товарищеские отношения. Но вместе с тем их продолжала разделять невидимая черта, которая всегда незримо присутствует в отношениях начальника и подчиненного.

Вряд ли она когда-либо будет пересечена.

Дзержинский не любил панибратских отношений, а Петерс не смел сближаться в силу служебной дисциплины. Кроме того, Дзержинский был значительно старше своего заместителя, а в сочетании со значительным партийным опытом это очень много значило. По мнению Петерса, Феликса Эдмундовича по праву можно было бы назвать стариком.

– Что вы можете сказать об Игнате Сарычеве?

Петерс невольно напрягся.

Сарычева Яков Христофорович знал еще по совместной работе в Питере, именно он рекомендовал его Дзержинскому в качестве председателя московской Чека. Феликс Эдмундович обладал хорошей памятью, помнил мельчайшие подробности всех дел, которыми пришлось заниматься, а следовательно, не мог не помнить его рекомендации.

А если так, тогда что может стоять за вроде бы безобидным вопросом?

Петерс считал, что московские чекисты с назначением Сарычева только выиграли. Умный, бескомпромиссный, умеющий работать круглые сутки напролет, он локомотивом прошелся по преступности, и его бурная деятельность уже давала первые серьезные плоды.

К тому же подавляющее большинство дел Сарычев контролировал лично и, обладая въедливым умом, вникал в их обстоятельства глубоко, не оставляя никаких неясностей.

Привлечь бы в Чека еще с десятков таких работающих матросиков, и можно тогда с уверенностью сказать, что волна преступности будет сбита в ближайшие недели.

– Кхм... Мне кажется, что Сарычев хороший, инициативный работник. Он уже много сделал... – чуть растягивая слова, отвечал Петерс, стараясь выглядеть как можно увереннее.

Выдержать пронзительный взгляд Председателя ВЧК было чрезвычайно сложно: Дзержинский не просто смотрел – он буравил переносицу собеседника, как если бы хотел узнать,

что прячется в глубинах его подсознания. Яков Христофорович не раз становился свидетелем того, как заматерелые преступники начинали ломаться и давать показания, стоило им только пообщаться с Дзержинским.

А может, Феликс Эдмундович наделен каким-то сверхъестественным даром, позволяющим ему влиять на волю людей?

Тьфу, дьявол! До чего только не додумаешься. Ведь большевики не верят в подобную чертовщину!

– А вам не кажется, что Сарычев начал уставать? – помолчав, спросил Дзержинский.

Ах вот оно в чем дело. Легче не стало, но ситуация несколько прояснилась.

– Возможно, что и подустал. Сарычев много работает. Все мы люди и время от времени нуждаемся в отдыхе. Но это не мешает ему приходить на работу раньше всех и позже всех уходить.

– Так-то оно, конечно, так, – неопределенно протянул Дзержинский.

Пальцы Петерса невольно вцепились в подлокотники кресла, фаланги пальцев побелели. С эмоциями надо уметь справляться. Он мгновенно ослабил хватку. Интересно, заметил ли Дзержинский? Наверняка... С его-то наблюдательностью!

Взгляд Феликса Эдмундовича становился все более пронзительным, выворачивал душу наизнанку. Даже ему, заместителю начальника ЧК, становилось как-то не по себе, а что тогда говорить об откровенной контре!

На Якова Христофоровича нахлынул озноб – по коже неприятно пробежали мурашки. Да уж... Никогда не знаешь, о чем заведет речь Дзержинский и о чем он думает, – а что, если подозревает его, Петерса, в какой-нибудь контрреволюционной ереси?!

Окружение у председателя было не самым простым. Среди них хватало и таких, кто откровенно недолюбливал латыша Петерса, считая его чужаком в России. Например, могли наговорить, что он связан с монархистами, а в таких делах не станут особенно церемониться.

Неприятный, ледяной озноб добрался до самого нутра и не желал выходить наружу. Следовало как-то противостоять могучей воле Дзержинского, но как это сделать, Петерс не знал.

На правой стороне лба Феликса Эдмундовича была крохотная родинка, и Петерс старался смотреть прямо на нее.

– Я вот о чем подумал, Яков Христофорович, надо бы назначить Сарычеву крепкого заместителя. Человека, которому мы доверяем, который проверен партийной работой.

– Согласен с вами, Феликс Эдмундович, – поспешно сказал Петерс. – Не мешало бы реорганизовать его работу. Ведь он многое берет на себя. И возможно, что где-то даже не успевает. Если у него появится сильный заместитель, то он сумеет разгрузиться и работа станет более плодотворной. У вас имеется кто-то на примете?

– Да. Мария Сергеевна Феоктистова.

Такого ответа Петерс не ожидал. Взгляд Дзержинского обесточивал, лишал сил. Не выдержав, он отвел глаза в сторону, испытав настоящее облегчение. Сейчас Петерс напоминал электрический прибор, из которого выдернули шнур. Вот немного остынет и будет способен продолжить беседу.

О том, что Мария Феоктистова человек Дзержинского, он слышал и раньше, но теперь удостоверился в этом лично. Говорят, что в Петрограде она была его глазами, а если слухи соответствовали действительности, то сейчас он хочет присматривать и за Москвой.

– Чрезвычайная комиссия – особый орган. В подразделениях уже сложились свои отношения. Вряд ли женщина сумеет там прижиться. Ведь по своей природе они мягче, чем мужчины.

– Вы давно знаете Марию Сергеевну?

– Около трех лет.

– Вот видите... А я ее знаю уже лет десять. Хочу отметить, что она очень волевая женщина, чем-то она напоминает мне Коллонтай. Даже внешне... А в ее твердости сомневаться не приходится. – Голос Дзержинского был уверенным, он четко выговаривал каждое слово, что придавало его высказываниям дополнительную убежденность. – Несмотря на молодость, она давно состоит в партии и очень полезна нашему делу. Я бы даже сказал, что она способна пойти на самопожертвование. Мария Сергеевна человек весьма трудной судьбы. У нее необыкновенное самообладание. Несколько раз она оказывалась просто на краю гибели и всякий раз находила в себе силы, чтобы выжить и стать еще более твердой. Знаете, однажды она мне рассказала кошмарную историю о том, как убийцы истребили всю семью ее родственницы, а она спряталась в подвале и просто чудом осталась жива!.. Так что вы скажете на это? – спросил Председатель ВЧК.

Яков Христофорович поднял глаза, теперь он чувствовал себя не в пример сильнее.

– Мария Сергеевна, конечно, достойная женщина... Я тоже знаю ее очень хорошо. Она сама из Питера. Некоторое время она работала в Питере, и наши с ней пути несколько раз пересекались по службе. Но я даже не это хотел сказать... Как бы это помягче выразиться...

– Смелее, – подбодрил Дзержинский.

– В некоторых вопросах она ведет себя крайне легкомысленно, – нашелся Петерс.

– Вот как. – Лоб Дзержинского собрался в складки. – Что вы имеете в виду?

Лицо Петерса разгладилось, кажется, он сумел подобрать подходящие слова.

– В своих делах она часто использует свое женское обаяние. Скажу так, пользуется им, и весьма умело. В Петрограде у нее было несколько любовных компрометирующих связей.

Дзержинский усмехнулся:

– Только-то и всего! В наше время женщины не могут быть другими, уверяю вас, дорогой мой Яков Христофорович! Я вам даже больше могу сказать! Такая женщина, как Мария Сергеевна, не остановится ни перед чем, чтобы выполнить задание партии. Вы слышали о ее первом замужестве?

Дзержинский слегка наклонил голову в сторону, глаза смотрели хитровато и с прищуром.

– Нет, – несколько растерянно протянул Петерс.

Порой Якову Христофоровичу казалось, что он держит перед Дзержинским серьезный экзамен, и всякий раз он очень старался, чтобы найти правильный ответ.

– Так вот, Мария Сергеевна по заданию партии, будучи еще чуть ли не гимназисткой, вышла замуж за сына фабриканта. – Чуть улыбнувшись, Дзержинский добавил: – Знаете, в то время ее муж и не помышлял о революционной деятельности, но зато потом стал очень полезен в нашей борьбе. Догадываетесь, о ком я говорю?

– О товарище Феоктистове?

– Да. Вот видите, как бывает! Он весьма хорошо зарекомендовал себя в Чрезвычайной комиссии, и Владимир Ильич хочет перевести его на работу в ЦК партии. У меня о Марии Сергеевне тоже сложились свои впечатления. Это довольно волевая и сильная женщина. К ней очень хорошо относится Ленин. Мне кажется, что именно такая женщина, как Мария Сергеевна, сейчас очень нужна нам. Она с юношеских дней находится в революции. На ее счету три побега из ссылки, а это много значит... А ведь в то время она была еще совсем девчонка! Мне рассказывали, как в девятьсот седьмом году она была на баррикадах и очень переживала, что не имеет медицинского образования. А на следующий год ее арестовала охранка. Такое испытание не каждый мужчина способен выдержать, а тут хрупкая барышня... Могу вам сказать, что она очень достойно перенесла пребывание в тюрьме. Одним словом – выстояла! А по поводу вашего замечания, – Дзержинский немного помолчал и, откинувшись на спинку стула, продолжил: – Это не так и плохо, что она умеет руководить мужчинами. Подобное качество дано не каждой женщине. Мария Сергеевна успешно проявила себя как хороший руководитель в Петрограде, думаю, что она будет очень полезна и в Москве.

Петерс неловко кашлянул.

– А то, что касается ее внешних данных, так это даже плюс. Редкий мужчина устоит перед такой женщиной. Вы не находите?

– Возможно, – неопределенно протянул Петерс, ощущая неловкость.

Был момент, когда Мария Сергеевна нравилась ему всерьез.

– С ранней юности она в окружении мужчин. Мне порой кажется, что она знает нас лучше, чем мы сами себя. Во всяком случае, такой женщине приятно подчиняться, – в глазах Феликса Эдмундовича блеснула лукавинка. – А то, что она пользуется успехом у мужчин... Возможно, именно в этом и заключается ее главная ценность. Так что, если у вас нет возражений, я подписываю приказ о ее назначении.

– У меня нет возражений, Феликс Эдмундович. Приступить к работе она может уже с завтрашнего утра.

– Человек она активный, думаю, что справится. И еще одно... Нужно провести тщательную чистку среди чекистов. Как выяснилось, в наши ряды затесалось немало классовых врагов. Только вчера в Питере было арестовано двадцать два человека! Некоторые из них даже работали в царской жандармерии и в военной контрразведке белых. Мы тут все удивляемся, откуда эсерам и левым коммунистам известно о наших планах, а они, оказывается, находятся в наших рядах.

– Я понял, товарищ Дзержинский.

– Вы помните, сколько руководителей в московской Чека сменилось за последние три года? – неожиданно спросил Дзержинский.

– Шесть. Игнат Сарычев – седьмой, – уверенно ответил Петерс.

Феликс Эдмундович поднялся и, заложив руки за спину, направился к окну. Петерс обратил внимание на то, что Дзержинский был невероятно худым. Старенькая гимнастерка, изрядно вытертая на локтях, висела на его высокой фигуре, как парус на мачте в безветренную погоду. Заправленная за широкий ремень, она собралась у пояса в мелкие складки, отчего спина Дзержинского выглядела слегка сутулой. Некоторое время Феликс Эдмундович смотрел в окно, созерцая пробегавшие мимо экипажи. Узенькая бородка, строптиво выставленная вперед, придавала его облику какое-то упрямое выражение.

– Вот видите, седьмой, – задумчиво протянул Председатель ВЧК. – А как нам известно, у семи нянек дитя без глаза! За это время столько мусора набилось в наши ряды, что нам надо только расчищать их и расчищать, как авгиевы конюшни. Так что дайте соответствующие указания товарищу Сарычеву.

Глава 2

ФИЛЕР

На первый взгляд село казалось вымершим, только внимательно прислушавшись, можно было понять, что жизнь здесь не умерла, – в дальних дворах бабы громыхали пустыми ведрами.

В центре села на пригорке возвышалась церковь, но, лишенная колокола, безголоса и с немим укором, она взидала на предавших ее прихожан. А помнится, года два назад, когда Игнат впервые заехал в гости к боцману, колокола трезвонили так усердно, что закладывало уши.

Не уберегли!

Задрав голову, Игнат Сарычев не увидел на куполах прежней позолоты. Маковка была покорежена и нещадно помята, по всей поверхности тянулись длинные кривоватые полосы. Очевидно, что позолоту счищали какими-то скребками. И оставалось только удивляться безрассудности кошуна, что отважился забраться на самую верхотуру в надежде заполучить частицы сусального золота.

Не стало хозяина, так все пошло прахом!

Мирон Серафимов уныло плелся рядом. Сейчас он напоминал глупого щенка, что суетливо вертится под ногами, чтобы привлечь внимание хозяина. Порой у него это получалось. Тогда Игнат останавливался, словно для того, чтобы пинком поучить нерадивого разуму, но, наталкиваясь на заискивающий взгляд, всякий раз отступал.

Боцман, тот, с кем Сарычев не раз и не два ходил по суровым балтийским водам, был убит четыре дня назад.

Похороненный под березкой, он крепко хранил тайну своей трагической кончины. Впрочем, небольшая зацепочка была. Месяц назад боцман пришел в московскую Чека и поведал о том, что случайно повстречал капитана второго ранга Николая Александровича Богданова, служившего в дореволюционное время в военной контрразведке Балтийского флота. Однако это не помешало Богданову перекраситься в восемнадцатом году в красный цвет и прослужить шесть месяцев капитаном крейсера. Позже выяснилось, что он действовал по заданию белогвардейской организации «Великая единая Россия». И три сторожевых корабля, что пошли ко дну, торпедированные английскими подлодками, были всецело на его совести.

Тогда Богданову удалось уйти. До особого разбирательства он был взят под арест. У дверей каюты, где он был заперт, не было выставлено даже охраны, а когда корабль прибыл на место приписки в Кронштадт, то на месте командира не оказалось – Богданов выбрался через иллюминатор и, сумев обмануть охранение, добрался до берега, чтобы впоследствии примкнуть к мятежным матросам.

Так что Богданову можно было предъявить довольно длинный список претензий, а за любой из пунктов этого списка – отправить на морское дно на прокорм рыбам.

Боцман сказал, что Богданов очень изменился: отрастил бородку, посолиднел, но все еще крепок.

Боцман признавался, что ни за что не узнал бы Богданова, если бы не столкнулся с ним в дверях московской Чека. Плутувато вильнув взглядом, тот проворно спустился с крыльца и, вскочив в пролетку, укатил.

Боцман не рассказал помощнику Сарычева Самохину об этой встрече. Самого Игната он в тот день не дождался.

А на следующий день Боцман был застрелен как раз после этой встречи, и теперь Сарычев не сомневался в том, что Богданов действительно сумел втереться в ряды Чека. Впрочем, подобное происходит уже не впервые. С периодичностью раз в три месяца приходилось ставить двурушников к стенке, а не далее как на прошлой неделе был расстрелян бывший руководитель

комиссаров и разведчиков товарищ Шварц, в недалеком прошлом начальник контрразведки деникинской армии. Так что опыта в подобных делах было не занимать.

Как говорится, дурную траву с поля вон!

Покопавшись в личных делах сотрудников, Сарычев не нашел ни одного с фамилией Богданов. Отсутствовал и Николай Александрович. Внимательно просмотрев фотографии, он обнаружил пять человек с бородами. Двое отпадали сразу, в Чека они работали уже несколько лет, третий не подходил по возрасту – был слишком молод. А вот к двоим стоило присмотреться повнимательнее.

Сам Сарычев встречался с Богдановым лишь однажды, когда служил на Балтийском флоте, – тот как-то инспектировал их крейсер. Но видеть его пришлось из строя матросов, в приветственной удали вытянув шею. Так что, по существу, особенно он к нему и не приглядывался. А то, что и помнилось, было плотно замазано густой краской времени. А потому на собственные впечатления полагаться не приходилось. Но то, что один из них чем-то отдаленно напоминал лощеного капитана второго ранга, потомственного военного и дворянина, – это точно! Но это могло быть и простым совпадением. Мало ли на свете похожих людей.

– Ты проследил за ним? – наконец спросил Игнат у своего спутника.

Мирон, словно бы ждал вопроса, тут же торопливо ответил:

– До самого дома по пятам топал.

– Он тебя не заметил? Сам понимаешь, если это действительно он, так в два счета вычислит. Все-таки за ним школа царской контрразведки. А они умели работать!

– А я, по-твоему, что? – обиделся не на шутку Мирон. – Я все их приемчики знаю.

* * *

Мирон знал, о чем говорил.

По его словам, филером он мечтал стать с раннего детства и оттачивал искусство в подглядывании за сверстниками, когда они справляли нужду в кустах. Из своих наблюдений он узнал массу любопытного. Именно отсюда у него выработалась неимоверная страсть к приключениям.

Так что когда Мирон подрос, то другого пути для него просто не существовало. А потому, окончив военную службу, он поступил на филерские курсы, после которых был определен в охранное отделение и слыл невероятным мастером в своем деле.

После октябрьского переворота, оставшись без работы, Мирон некоторое время торговал на рынках, а когда безделье стало неведомо, он пришел в Чека и, сняв шапку перед начальством, рассказал свою историю, справедливо заметив, что «шпики» полезны при любой власти.

Сарычев поначалу хотел отказать нежданному просителю, но Мирон вдруг неожиданно сказал:

– Значит, вы на флоте служили.

– Верно. А откуда тебе это известно?

Поначалу Сарычев не удивился. О том, что он служил на флоте, знали многие, и филер мог узнать об этом из разговоров.

– А давеча, когда вы курили, то слюну от себя далеко сплевывали. Так обычно моряки поступают, чтобы на палубу не попасть.

– Хм, верно.

– А еще кепочку свою далеко на затылке носите, как обычно это моряки делают. Да и походка соответствующая.

– Какой ты наблюдательный! – Игнат окинул внимательным взглядом тщедушную фигуру филера. – А может, ты тогда скажешь, в каких именно водах я ходил?

– Скажу, – быстро отреагировал шпик. – В Китайском море бывали.

– Слышал, что ли, от кого? – недоверчиво спросил Сарычев.

– А я и так знаю. На правой руке у вас дракон выколот. А его обычно морячки делают, что в китайских водах бывали.

Охранка всегда славилась хорошими филерами. Так что за Мироном действительно была серьезная школа.

Вскоре Мирон возглавил группу наружного наблюдения, и Сарычев убедился в том, что тот способен был выследить даже собственную тень.

К своему делу Серафимов относился творчески. Однажды в архивах Игнат обнаружил целую пачку его донесений, где каллиграфическим почерком были написаны подробные отчеты о выслеживании и задержании большевиков, среди которых было немало людей с именем. Когда-нибудь придется поговорить с Мироном об этом поподробнее, а сейчас не стоило его напрягать понапрасну, тем более что работал он с огоньком.

* * *

– И что он делал?

– Сначала Темный зашел к своему приятелю на Ямскую. Пробыл у него часа два. Я все это время в соседнем доме сидел, через окно наблюдал. А потом он на кладбище пошел.

Каждому наблюдаемому Серафимов давал меткую кличку, что было очень удобно.

– Что же Темный на кладбище-то делал? Может, встретиться с кем-то хотел? Подальше от людей?

Мирон, смутившись, ответил:

– Думаю, что от меня решил оторваться. Сплоховал я малость. Когда он за угол заворачивал, я к нему едва ли не вплотную подошел, а он возьми, да и повернись! Вот и узрел меня! – Он сплюнул с досады... – Хотел среди могил затеряться. Смотрю, топает по главной аллее, а потом – шмыг в склеп! И просидел в нем часа три. Уже смеркаться стало, я думал, что он ночевать там останется. А он вышел. Отряхнул свой пиджачок и дальше двинул.

– Тебя-то он не видел?

– Нет, я за памятником спрятался.

Из церквушки вышел сторож. Некоторое время он с откровенной враждебностью посматривал на подошедших, но, не увидев в них угрозы, удалился в притвор.

– Куда же он пошел?

Филер широко улыбнулся:

– Ни за что не догадаетесь!

– Я с тобой в загадки, что ли, буду играть? – негромко спросил Сарычев.

Частенько филер увлекался, воспринимая работу как веселую игру.

– К Феоктистову Павлу Сергеевичу!

– Ах, вот оно как, – не сумел сдержать вздох удивления Сарычев. – Хотя если подумать...

Нечто подобное он предполагал. Свое происхождение Феоктистов не называл, но оно выпирало из него, как сломанная кость. Чего стоит его привычка добираться на работу в экипаже, щедро расплачиваясь с кучером. Было здесь что-то от барчука, не знающего счета деньгам.

Павел Сергеевич был членом коллегии Всероссийской ЧК – одна из «священных коров», к которой небезопасно было даже приближаться. И вот теперь имелась возможность посмотреть, кто же он есть на самом деле.

– Хорошо, не отступай от него ни на шаг.

– Буду стараться.

Сарычев посмотрел на часы. Надо было возвращаться в Москву.

Неделю назад судьба преподнесла ему настоящий подарок: в Москву из Питера направили Марию Феокистову. Только от одной мысли о ней в груди у него приятно заныло.

Познакомился он с ней в то время, когда, уже будучи профессиональной революционеркой, Мария, тогда еще Завьялова, вела на его корабле пропагандистскую работу. Сторонников она нашла быстро, что не удивительно при ее внешности. У каждого морячка, что смотрел на ее чувственный рот, невольно возникала мысль, что такие губы созданы для любви, но уж никак не для революционных лозунгов!

Барышню частенько приходилось прятать в кубрике, когда неожиданно объявлялся кто-то из офицеров. И матросики, скрывая лукавые улыбки в пышных усах, думали об одном – оставить бы девку на корабле да слушать ночами ее восторженные революционные речи.

Неожиданно для многих она вдруг стала оказывать знаки внимания Игнату Сарычеву и щедро принялась снабжать его литературой крамольного толка. И в каждую короткую встречу не забывала спрашивать – познакомился ли он с содержанием? Сарычев только утвердительно кивал в ответ – как же ей, бедной, объяснить, что из запрещенной литературы они сворачивают сигарки, а то и вовсе используют ее по нужде!

Игнат привязался к Марии и невероятно скучал, если она не появлялась на корабле хотя бы несколько дней. Получая увольнение, он использовал любую возможность, чтобы встретиться с ней.

Родители, не зная о революционной деятельности дочери, были к ней необычайно строги, воспринимая ее, как и прежде, примерной гимназисткой. Никто из них долгое время не догадывался о том, что, как только она закрывала за собой дверь в спальню, так тотчас спускалась по водосточной трубе и шла туда, где ее ожидали соратники по революционной борьбе.

Игнат Сарычев был одним из них.

Всякий раз, когда она вылезала из окон своей спальни прямо к нему в объятия, то он тешил себя мыслью, что их отношения зайдут куда дальше формальных поцелуев.

В то время распространение революционных воззваний и лозунгов для нее было куда важнее, чем любовная игра.

Неминуемое случилось на второй год их знакомства, во второразрядной гостинице, которую Мария использовала в качестве явки, на кровати, под которой лежало два чемодана, набитых крамольными прокламациями. Помнится, осознав факт, что он не первый познал революционную нимфу, Игнат испытал самое настоящее разочарование. А когда боль понемногу утихла, он, стеснясь, спросил, кто же был тот первый счастливчик. Оказалось, что муж! Она была замужем!

Мария выскользнула из-под одеяла, порылась в своей сумочке и извлекла из нее небольшую фотографию, слегка пожелтевшую по углам.

Звали этого человека Феокистов Павел Сергеевич.

Сарычев второй раз за вечер испытал разочарование. Он-то ожидал увидеть настоящего Посейдона, эдакого покорителя морей, одним удалым взглядом разбивающего женские сердца, а его взору предстал весьма непритязательный очкарик с непокорным русым чубом.

Ни фасона, ни фактуры, только одни оттопыренные уши! И поди пойми, чем он сумел охмурить такую валькирию, как Мария.

После этого свидания во второсортной гостинице его интерес к Марии заметно поугас, и скоро они расстались совершенно безболезненно друг для друга. А еще через год Мария укатила в Германию, где была принята в руководство партии.

Тогда ему казалось, что они расстались навсегда.

Неправильно было бы утверждать, что он о ней не вспоминал. Все это время Сарычев старался внушить себе, что таких женщин, как Мария, много. Но на самом деле он желал только ее. До него доходили слухи о ее многочисленных романах, знал он и ее модные рассуждения о

необязательности семейных отношений, что будто бы они чужды новому строю. И чем больше Сарычев думал о Марии, тем большую испытывал ревность к ее неизвестным ухажерам.

Совсем короткая встреча произошла у них в Петрограде, в то время, когда он возглавлял там уголовный розыск. Он как раз тогда готовился к предстоящей инспекции – приводил в порядок свои дела, инструктировал личный состав – и никак не думал, что влиятельный ревизор может появиться в образе Марии Сергеевны Феокистовой, его прежней возлюбленной.

До этой встречи с Марией ему казалось, что его чувства к ней умерли и были похоронены под двухметровым слоем равнодушия. Но стоило ему только заглянуть в ее глаза – ясные и не по возрасту наивно взиравшие на мир, – как внутри его все колыхнулось, будто бы они вовсе не расставались. Оказывается, все это время Игнат жил в ожидании встречи с Марией и знал, что когда-нибудь она произойдет.

При виде Марии внутри его все загорелось, отразившись на лице в виде легкой улыбки. Так бывает. Вот стоит себе вулкан, со стороны он может выглядеть очень спокойно: склоны, поросшие буйной растительностью, только иной раз клубится едкий и на первый взгляд вполне безобидный дымок. А в действительности внутри его свирепствуют глубинные процессы и копят силы, чтобы излить раскаленную магму на поверхность и пожрать все то, что встретится у них на пути.

Нечто подобное испытывал в тот момент и Сарычев. Сила его чувств была настолько напряжена, что могла излиться по жерлам души и растопить Марию в плазме любви.

Скоро они расстались. У Сарычева были основания думать, что она уехала из Петербурга оттого, что испугалась нахлынувшего чувства. Иначе бы им гореть тогда обоим. Некоторое время о Марии ничего не было слышно. До Игната доходили слухи о том, что Мария Феокистова была избрана в руководство ЦК. Неизвестно, как долго бы она продвигалась и дальше по партийной линии, если бы предметом гласности не стал ее роман с молодым сотрудником, который был младше ее лет на восемь. К тому же он оказался еще и левым эсером.

Карьера Марии Сергеевны подломила. И вот теперь ее перевели в московскую Чека в качестве его заместителя. Интересные повороты порой закручивает судьба.

За прошедшую неделю у них так и не нашлось времени, чтобы поговорить пообстоятельнее. Но того чувства, что прежде связывало их, более не возникало. Судьба развела их по разным берегам жизни, позади у каждого была широкая дорога из обид и разочарований.

По праву руководителя Сарычев мог вызвать Марию к себе в кабинет, чем окончательно определил бы их отношения. Она пришла бы, переломив гордыню, но в этом случае между ними установилась бы некоторая патовая ситуация – ни мира, ни войны. А Сарычев склонялся к мирным решениям. И однажды, спустившись на этаж ниже, он обычным просителем постучал в дверь и пригласил Феокистову отужинать с ним в ближайшую субботу.

То есть сегодня.

Игнат посмотрел на часы. Если сразу отправиться домой, то у него хватит времени, чтобы переодеться. Сарычев хотел отдать распоряжение водителю, чтобы тот заводил машину, но тут увидел, что к подъезду подъехал автомобиль. И понял, что ужину не бывать.

Из автомобиля выскочил возбужденный Петр Самохин и, поправляя на ходу фуражку, выкрикнул:

– Мы нашли Егора Копыто!.. Он сейчас в трактире в Луковом переулке.

Значит, предчувствие не обмануло. Сердце слегка заняло от разочарования. А ведь где-то в глубине души он все-таки рассчитывал, что встретит утро в теплых женских объятиях. Встреча с Марией откладывалась.

Егор Копыто после ареста Кирия Курахина возглавил банду и доставлял чекистам немало хлопот. Теперь появилась хорошая возможность поквитаться.

– Кто-нибудь наблюдает за ним?

– Алексей Серяков следит! Мы сначала хотели его брать сразу, но потом решили оставить под наблюдением. Может быть, кто-то еще подойдет.

– Едем!.. Неплохо было бы накрыть их всех скопом! – направился Игнат к автомобилю.

Глава 3

ТРАКТИР В ЛУКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Место было выбрано с расчетом: во-первых, тихое, а во-вторых, случайные люди сейчас в этот район заглядывали редко. Разве что в силу необходимости.

За небольшим столом, сколоченным из толстых сосновых досок, сидело двое мужчин. На вид одному было лет тридцать пять, внешности он был неброской, с широкой залысиной, заползающей острым клином на реденький завиток у макушки, губы пухлые, капризные, глаза чуть раскосые, под носом обозначились глубокие жестковатые складки. Говорил он уверенно, но негромко, и было заметно, что к вниманию он привык.

Его собеседнику было чутьок за сорок, густые черные волосы пострижены коротко, на висках отдельными ниточками пробивалась седина. В общем, ничего приметного. Перед ними в глубоких тарелках остывала солянка, стояла наполовину распитая бутылка водки. Прислуживал мужчинам косматый здоровущий половой – доверенное лицо хозяина. Несмотря на запоминающуюся внешность, верзила умел быть незаметным, оставаясь при этом очень предупредительным.

Того, что помоложе, звали Егор Копыто. Он был одним из авторитетнейших жиганов.

Черноволосого именовали уважительно, по имени-отчеству, Савва Назарович, или Савва Большой. В досье сыскной милиции он значился как один из опытейших медвежатников – Тимошин Савва Назарович.

Кроме них, в трактире находилось еще семь человек: пятеро разместились в углу тесной компанией и что-то оживленно обсуждали, еще двое – немного в сторонке, ближе к двери.

Глянув через плечо на веселящуюся компанию, Егор снова обратился к собеседнику:

– На двери будет висеть замок.

– Что за замок? – по-деловому осведомился собеседник.

– С серьгой. Крепкий. Расколешь, Савва Назарович? – с опаской спросил Егор, слегка прищутив свои калмыцкие глаза.

– Кто сообщил?

– У меня свой человек в конвое.

– Тогда другое дело, – понятиливо кивнул медвежатник. – А то мало ли...

– Ну так чего?

Похлопав пятерней по отвисшему карману, где находился кошелек с деньгами, Савва Назарович важно заверил:

– Ты меня заинтересовал, а я сделаю, что обещал. Будь спокоен!

Копыто расслабленно улыбнулся. В мастерстве Саввы Тимошина сомневаться не приходилось – не однажды доказал его делом. Но беспокойный вертлявый червячок, угнездившийся где-то в области селезенки, подталкивал проявлять бдительность, именно поэтому второй раз за вечер он задал один и тот же вопрос. В ответ – понимание.

Дело-то серьезное!

* * *

Савва Тимошин росточка был невысокого, внешности – неброской. Жил скромно, достатком не щеголял, чем существенно отличался от других медвежатников, – те любили изыск, костюмы шили у самых лучших портных, а еду предпочитали из самых дорогих ресторанов, порой даже носовые платки предпочитали иметь с царскими вензелями, а манерой держаться заметно отличались от остальных уркаганов и жиганов.

Глянул на такого и тут же определил – большого полета птица!

В отличие от остальных медвежатников, Савва Назарович выделяться не любил – одевался непритязательно: осенью – потертое пальтишко, летом – обычные брюки с выцветшей рубашонкой.

Внешне он напоминал провинциального лекаря, понимающего, сочувствующего, готового даже в самую скверную погоду мчаться на вызов к больному. Сходство с доктором усиливал небольшой кожаный саквояж, с которым Савва Назарович практически никогда не расставался. А когда присаживался, то непременно ставил его рядышком, поглаживая, – так добрый хозяин поступает с кошкой, прыгнувшей ему на колени. И только когда он начинал говорить, впечатление от его неброской внешности мгновенно улетучивалось – становилось ясно, что беседуешь с человеком значительным, скупым на слова, отчего его речь приобретала какую-то особую значимость. Даже говорил он как-то по-особенному манерно, слегка растягивая слова, чем невольно приковывал внимание собеседников.

Но вместо медицинских инструментов в саквояже у Саввы Тимошина лежали отмычки, гусиные лапки, ворох ключей, фомок и прочие воровские приспособления, с помощью которых он мог вскрыть самый несговорчивый сейф.

Савва Тимошин входил в элиту воровского мира, даже самые матерые уркаганы отзывались о нем с уважением – «музыкант».

Свою карьеру он начал шестнадцатилетним подростком в подручных у знаменитого шнифера из Замоскворечья Петьки Орлова, который, обладая недюжинной силой, раскурочивал ломом сейфы, будто консервные банки с килькой. А когда того во время очередного ограбления бакалейной лавки повязали артельные мужики, Саввушка, осиротев, организовал собственное предприятие и вот уже более двадцати лет не знал промахов.

Обладая исключительными способностями, Савва Назарович сумел продвинуться в своем ремесле гораздо дальше наставника и вместо тяжелых ломов, которыми традиционно пользовались «шнифера», усвоил более тонкую науку «белых пальчиков» – вооружившись сапожной иглой, открывал самый сложный замок. Грубых орудий в виде ломов и фомок он почти не признавал, дверцы вскрывал аккуратно, как рачительный хозяин, и даже при самом детальном изучении на металлической поверхности невозможно было рассмотреть следов взлома.

«Подвиги» Саввы Тимошина не остались незамеченными – после каждого виртуозного ограбления его вызывали в полицейский участок, порой уговорами, а порой откровенным мордобитием требовали признания. Серьезно Савва Назарович прокололся лишь при ограблении книгопечатника Сытина, уронив у сейфа ключ с именными вензелями. И с тех пор за ним, как собаки на привязи, топали филеры, что не мешало между тем Савве Назаровичу периодически наведываться к фабрикантам со своим потертым саквояжем.

Медвежатником он был удачливым и, вскрыв очередной сейф с большой наличностью, немедленно отъезжал за границу, где проводил время, как преуспевающий буржуа, щедро тратя деньги на всевозможные удовольствия. Возвращался на родину он только тогда, когда вконец прогуливал все денежки, что вновь заставляло его браться за привычное ремесло.

По большому счету, он был последним медвежатником Российской империи. Большая часть его «коллег», скопив за время своей «трудовой деятельности» немалый капитал, переехала в Европу, где щедро делилась профессиональными секретами с западными коллегами. Меньшая часть, присмирив, решила поменять воровскую специальность на менее хлопотную.

За свою большую криминальную карьеру Савва Назарович ни разу не был пойман, что свидетельствовало о небывалой его везучести и необычайной изворотливости. В сыскной полиции он имел щедро оплаченных осведомителей, которые всякий раз заблаговременно сообщали ему о возможных неприятностях. Не без усмешки Савва Назарович сообщал своим приятелям о том, что в секретном досье, заведенном на него и сохранившемся еще с царских

времен, имеется запись о том, что он является опаснейшим медвежатником Российской империи.

* * *

– Это твой аванс... Вторую половину получишь, когда Кирьян выйдет.

– Договорились, – не стал возражать медвежатник. – Он будет один?

Егор Копыто широко улыбнулся и мечтательно произнес:

– Один... Но в поезде еще будут купцы. Так что покормишься и от их щедрот.

– Годится, – кивнул Савва. – Копейка никогда не помешает. Только у меня вопрос.

Егор насторожился, лишнего любопытства в делах он не любил:

– Задавай!

– Скорый поезд никогда не останавливался на этой станции, с чего это он должен останавливаться в этот раз?

Губы Егора снисходительно дрогнули и сжались в тонкую линию:

– Не сомневайся, остановится. Куда же им деваться-то? – Кивнув на саквояж, на котором по-хозяйски покоилась ладонь медвежатника, добавил: – Не позабудь свой чемоданчик, он нам еще пригодится.

– Я без него никуда!

Немного правее их стола, через завесу плотного дыма, проглядывали фигуры двух мужчин: один в потертом коротком пальто, расстегнутом на все пуговицы, а другой – рябой в полосатом жилете. В их внешности не было ничего примечательного. Обычные обстоятельные мужики, даже пиво они пили степенно, закусывая его солеными сухариками.

Обыкновенные, в общем, вот только взгляд, брошенный одним из собеседников, рябым узколицым типом – короткий и очень цепкий, – насторожил Егора. В нем проглядывался интерес, не тот поверхностный, который мелькает у случайного собутыльника, а профессиональный, какой проявляется только у ищеек, настырно идущих по свежему следу.

– Теперь давай расстанемся. Ты выходишь первым, я за тобой.

Со стуком поставив кружку с остатками пива на стол, Тимошин обеспокоенно спросил:

– Ты что-нибудь заметил?

– Не суетись, надо проверить.

Кивнув, медвежатник поднялся и направился к выходу. Зацепив случайно плечом стоящего у дверей жигана, вежливо извинился, чуть приподняв шляпу, и выскользнул в проем.

Взяв со стола пару сухариков, Егор небрежно бросил их в рот и захрустел, продолжая наблюдать за рябым соседом. В поведении того внешне ничего не изменилось, если, конечно, не считать, что правая бровь озабоченно подпрыгнула на середину лба, – парень решал простую задачу – броситься вслед за удаляющимся медвежатником или все-таки доест кусок курицы. Аппетит победил – обглодав косточку, он аккуратно положил ее на край тарелки и скосил взгляд на Егора. На первый взгляд совершенно безвинный взор, такой можно встретить у человека, с которым случайно оказался за соседним столом.

Терпеливо выждав несколько минут, Егор Копыто встал и уверенным шагом пошел из трактира. Приостановившись у выхода, он посмотрел на косматого полового, стоящего у стойки. Поймав его взгляд, тот слегка кивнул и небыстрым шагом, с подчеркнуто равнодушным видом, стараясь смотреть поверх склоненных голов, направился следом за жиганом.

Егор отошел под арку и тотчас слился с темнотой. Вокруг было пустынно и тихо. Только из трактира через слегка приоткрытую дверь раздавался дружный хохот. Жиганы веселились. Наверняка отмечали удачный налет.

– Дело какое, Копыто? – уважительно спросил подошедший половой.

Егор не торопился с ответом. Достав серебряный портсигар, он вынул две папиросы, одну протянул собеседнику, другую оставил себе.

Портсигар был приметный, инкрустированный рубинами. А четыре крупных александрита, встроенные по углам, полыхали ярко-красными зрачками. Две недели назад этим портсигаром щеголял в трактире заезжий жиган из Питера, вызывая нешуточную зависть московских коллег. После очередной пьянки приезжий пропал, а вот портсигар неожиданным образом всплыл в руках авторитетного жигана.

Взяв папироску, половой чиркнул зажигалкой, закурил, на миг осветив хищное, скуластое лицо жигана.

– Фраера в полосатом жилете видел? – спросил, затянувшись, Копыто. – Рябой такой.

– Ну? – удивленно спросил половой.

– Часто он здесь бывает?

– Впервые вижу.

– Понятно... Легавый он! – спокойно сообщил Егор, выпустив в сторону струйку дыма.

– Да ну?! – подивился половой, тряхнув космами.

– Вот тебе и «да ну»!

– Откуда знаешь?

Егор задумался. Как бы попроще объяснить свои ощущения? Ведь половой только пожмет плечами, если ему сказать, что взгляд залетного фраера просто не понравился Егору.

– Я мента кожей чувствую. За мной он следит. Завали его! Всю малину запалит!

– Как скажешь, Копыто, – храбрясь, кивнул половой.

– Только вот что, пусть подальше отойдет от трактира. Мало ли чего...

– Понял, – кивнул космач. – Не впервой!

– Игрушка нравится? – повертел Егор в руках серебряный портсигар.

– Хороша, слов нет.

– Бери! Это тебе за работу. – Копыто сунул в ладонь половому портсигар.

– А как же ты? – обескураженно протянул детина.

– Не переживай! Я себе еще надыбаю! Ладно, отваливаю я! На майдан к Федорычу надо зайти. Мануфактуру сплавить. Деньжата нужны.

– Оно, конечно, дело, – тот неловко сунул подарок в карман. – Ну пока!

* * *

Проводив взглядом удаляющегося Егора, половой отшвырнул недокуренную папироску и стал ждать. Через каких-то пару минут вышел парень в полосатом жилете и быстрым шагом направился в ту сторону, куда и Копыто. Половой невольно скрипнул зубами – странно, что он не сумел раскусить залетного легавого в первую же минуту. А ведь следовало бы, за то хозяин ему и платит! А Копыто – молодец, едва взглянул и тотчас расчихал.

Глаз-то у жигана наметанный!

Космач вышел из тени и уверенно последовал за легавым. Когда тот отошел подальше от трактира, он громко позвал его:

– Послушайте!

Рябой остановился и удивленно посмотрел на приближающегося к нему полового.

– Ты меня?

– А то кого же?.. Да ты не бойся меня, мил человек, – расхохотался он мелким смешком. – Я здесь в трактире служу. Неужели не признал?

– Признал... Так в чем дело?

– А вот в чем... Ты Назара Тесака знаешь?

– Это какого Назара, с Сухаревки, что ли? – проявляя заметное любопытство, спросил рябой.

Слишком нетерпеливым было его любопытство, слишком откровенно рассматривал он подошедшего, словно хотел запомнить навсегда.

– Того самого!

Молниеносно выдернув из-за пояса нож, косматый коротким замахом вогнал его в живот рябому. Почувствовал, как острое лезвие туго распорол ткань и вошло по самую рукоятку уже без всякого усилия. Рябой коротко ахнул, широко открыв глаза, а космач почувствовал, как теплая струйка, просочившись между его пальцев, пролилась на землю.

– Подыхай, легаш!

Согнувшись пополам, рябой сделал неуверенный шаг назад, второй... Из рта его хлынула кровь, он покачнулся и тяжело осел на землю.

Осмотревшись, убийца достал из кармана платок и вытер испачканную ладонь. Похлопав по карманам, нащупал что-то – похоже на сложенные листы бумаги. Вытащив их, он бегло просмотрел и сунул за голенище – разберемся, что он там понаписал!

Теперь можно возвращаться в трактир. Достав портсигар, он отошел на свет и полюбовался подарком – а хороша вещица!

Глава 4

ЗНАТНЫЙ АРЕСТАНТ

Раздался короткий стук в дверь, и заместитель Председателя ВЧК Яков Петерс оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг.

– Войдите, – негромко произнес он.

В комнату вошел красноармеец лет восемнадцати и, протянув пакет из плотной бумаги, скрепленный сургучовой печатью, отрапортовал:

– Товарищ Петерс, вам пакет от начальника МЧК!

– Давай сюда!

Красноармеец сделал два коротких шага и протянул его Петерсу.

– Иди!

Тот быстро вышел из кабинета. Оставшись один, Петерс надорвал конверт и извлек небольшой листок, где на плохонькой бумаге было напечатано: «...Срочно. Лично товарищу Петерсу. Вчера вечером на окраине Москвы был обнаружен труп сотрудника ВЧК Алексея Серякова. По сообщению, переданному им накануне, он сумел выйти на банду Егора Копыто. После ареста Кирияна Курахина Егор Копыто сумел сплотить и возглавить остатки его банды. По непроверенной информации, банда Егора Копыто намеревается отбить Кирияна при его конвоировании по этапу. Председатель МЧК Сарычев И.Т.».

Яков Христофорович отложил в сторону донесение и поднял телефонную трубку:

– Леня... Вот что, давай принеси-ка мне дело по банде Кирияна Курахина... Кстати, куда его сейчас этапируют? В Питер? Скажи начальнику конвоя, чтобы усилил охрану, у меня есть информация, что его попытаются отбить. Где именно? Вот этого я тебе сказать не могу. Так что давай поднимайся ко мне. Жду!

* * *

– Арестант-то, наверное, знатный, – с нотками уважения в голосе протянул старик в малахае. – Вон какой конвой при нем! Я двадцать пять лет на якутской каторге отпарился, но не помню, чтобы одного человека так строго стерегли.

– По всему видать, душегубец! – остановилась на краю дороги женщина в длинном пальто и цветастом платке. – Вон какие тяжелые кандалы.

Кириян приостановился, недружелюбным взглядом смерил ротозеев, застывших вдоль дороги, а красноармеец, топавший следом, лениво, но очень чувствительно ткнул Кирияна прикладом между лопаток.

– Чего встал? Двигай дальше!

Кириян невольно сделал шаг вперед и, глянув через плечо, огрызнулся:

– Мы еще с тобой поговорим.

– Недолго тебе разговаривать, до первой стенки!

Вышли на станцию.

– Оцепить платформу! – распорядился начальник конвоя, крепкий мужчина в кожаной куртке. Коротко стриженная борода придавала ему щеголеватый вид. По тому, как он двигался – слегка раскачиваясь из стороны в сторону, – было件нятно, что из моряков, будто бы балансировал по раскачивающейся палубе.

С десятка красноармейцев, скинув с плеч винтовки, оттеснили наседающую толпу.

– Назад! Назад! Кому сказано, назад!

Толпа, поддаваясь молодости и силе, заметно потеснилась.

– А ты думаешь, нам ехать не надо?! – громко орал дядька с широкой бородой. – Мы двадцать верст отмахали, чтобы сюда добраться!

Красноармейцы выглядели невозмутимыми и шаг за шагом теснили пассажиров с перрона.

Рядом с начальником конвоя стоял узкоплечий чекист в коротеньком пальто – Феоктистов Павел Сергеевич, доверенное лицо самого Якова Петерса, – именно ему было поручено осуществлять отправку Кирияна Курахина в Петроград. Широкая густая борода делала его значительно старше своих лет, хотя ему было немногим за сорок, на тонкой узкой переносице поблескивали тяжелые очки с толстыми стеклами. Оптика без конца сползала на кончик носа, и он то и дело указательным пальцем отправлял очки вновь на середину переносицы.

Кирияна охраняли восемь бойцов, взяв его в плотный круг. Немного поодаль стояли еще пятеро чекистов, одетых в кожаные куртки, они о чем-то негромко разговаривали и резали колючим взглядом плотную толпу пассажиров.

– Не наседать!

Вдали послышался свист приближающегося паровоза. Толпа в ожидании взволнованно колыхнулась и двинулась к путям.

– Вы меня вместе с остальными, что ли, повезете? – спросил Кириян вихрастого красноармейца, стоящего рядом. – Народ-то меня не испугается? Я ведь налетчик и душегуб.

– Думаешь, порвут? – хмыкнул красноармеец. – Не беспокойся, мы тебя охранять будем. Ты только не шали. А то, того...

– Чего «того»?

– Штыком в бок! – И, слегка наклонившись, добавил быстрым шепотом: – Я от Егора Копыто.

– Так.

– Он тебе кланяться велел, скоро встретитесь. Будь готов! – Заметив подошедшего Феоктистова, красноармеец тряхнул русым чубом и добавил: – Всех вас, гадов, к стенке надо ставить!

Протяжно и тяжело заскрежетали тормоза паровоза. Пыхнув черным едким дымком, он остановился.

– Заводи его в первое купе. Там для него клетка приготовлена, – распорядился начальник конвоя.

– Для него в самый раз будет, – заметил чубатый боец.

Дверь вагона с громким лязгом распахнулась, и проводник – миролюбивого и простоватого вида дядька, – глянув поверх голов провожающих, сдержанно поинтересовался у узкоплечего чекиста, безошибочно угадав в нем старшего:

– Так где там ваш арестант?

Поправив очки, Феоктистов, толкнув вперед Кирияна, сказал:

– Вот он, красавец!.. Ну чего встал? Поторапливайся давай. Или приказать, чтобы тебя под белы ручки спровадили?

– Не тронь! – огрызнулся Курахин. – А то я тебя так приголублю, что ты меня навек запомнишь!

Проводник смерил Кирияна взглядом, остановил удивленный взгляд на кандалах, угрожающе звякнувших, и вздохнул:

– А я-то все голову ломаю: для кого же такую клетку сделали? Уж не для зверя ли? У меня ведь половина вагона приличные люди, как же они с таким арестантом до самого Питера поедут?

– Ничего, батя, как-нибудь перетерпят, – невесело хмыкнул Кириян, вставая на подножку.

– Стоять! К стене! – распорядился красноармеец, когда Кириян прошел в тамбур.

Кириян остановился, уткнувшись лицом в угол. Боец распахнул решетчатую дверь и гостеприимно предложил:

– Прошу, ваше сиятельство. Для вас в самый раз будет.

Кириян шагнул в клетку. Металлическая дверь за его спиной захлопнулась, и тотчас зловеще шаркнул засов. На три оборота закрылся замок.

– Ключ я забираю, Марк Нестерович, – подошел Феоктистов к начальнику конвоя. – Он будет у меня.

– Так вы же не остаетесь? – с недоумением напомнил начальник конвоя.

– Так надежнее будет. Не исключаю, что в дороге Курахина захотят отбить. А такой замок открыть непросто. Швейцарский механизм!

– А там нас встречают с ключом?

Улыбнувшись, Феоктистов ответил:

– Совершенно верно, такой же ключ будет в Питере. Вот им и откроют.

Глупо было бы раскрывать все карты. И вовсе не потому, что Петерс не доверял сопровождению, просто когда в секретную операцию вовлечено множество народа, то невольно происходит утечка информации.

Проход заполнили красноармейцы. Трое чекистов заняли соседнее купе, а еще двое остались в проходе и неторопливыми шагами принялись мерить узкий коридор.

– Ну куда ты лезешь, мать? – ругались в тамбуре красноармейцы. – Нельзя сюда!

– А как мне тогда, сынки, добраться-то? Не пешком же мне до Питера топать!

– Арестант здесь у нас! В другой вагон иди.

– Ох беда мне!

Дверь с громким стуком захлопнулась, приглушив возбужденные голоса пассажиров. Раздался длинный свисток. Помедлив еще минуту, паровоз шумно пыхнул паром, и состав тяжело тронулся.

Начальник караула подошел к часовому и, стиснув пожелтевшие зубы, приказал:

– Глаз с него не спускать! Перед Ревтрибуналом ответишь!

– Что я, не понимаю, что ли, – вытянулся тот. – О нем сам товарищ Петерс справлялся.

Глава 5

НАЛЕТ НА СТАНЦИЮ

Сгущались сумерки. На станции в этот день народу было немного. Лишь небольшим табором недалеко от вокзала держались десятков бродяг.

Егор Копыто осмотрелся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не следит, бодро зашагал вдоль путей. Остановился он у длинного кирпичного здания, где размещались ремонтные мастерские, немного подождав, коротко свистнул. Из-за угла вышел средних лет мужчина в длинной красноармейской шинели.

Оглядевшись, мужчина коротко спросил:

– Ничего не изменилось?

– Все, как обычно, – уверенно ответил Копыто. – Сначала работаем мы, а потом уже ваша очередь. Но на вокзал заходите только после того, когда мы дадим залп. Не забудьте выждать, чтобы нам на пятки не наступать, – строго напомнил он. – А не так, как в прошлый раз! Едва пальба не началась.

Тот кивнул:

– Признаю, накладочка небольшая вышла. Поторопились. Но ведь никто не пострадал. Верно?

– Верно. Но могло быть хуже.

– Тут еще один вопрос надо бы обсудить, – туманно сказал красноармеец.

– Не самое лучшее время для обсуждений, – раздраженно заметил Егор.

Мужчина снисходительно хмыкнул:

– А другого может и не представиться.

– Ладно, что там у тебя? – примирительно спросил Копыто.

– Надо бы нам добавить. Риск слишком уж большой. Тут чекисты одного нашего зацепили, кажется, чего-то подозревают.

– Этого еще не хватало!

– И я о том же. Да ведь и груз тоже непростой. Самого Фартового повезут!

– Сколько ты хочешь? – после некоторого колебания спросил Копыто.

– Добавишь миллионов пять, и будет то, что надо. Да еще поклажа...

– Ну ты и раскатал губу! – поморщился Егор.

– Это ведь воробушки! Легко прилетели, легко и улетят!

– Ничего себе воробушки, – взбунтовался Копыто, – кому-то из-за них и свинец придется поглотать. И с чего ты взял, что будет поклажа?

– Мы тут со своей стороны пробили, в поезде нэпманов будет, как сельдей в бочке! Если ты, конечно, против, то давай считать, что разговора не было. И разбегаемся! Мое дело сторона. Я тебя не знаю, ты меня не знаешь, – пожал красноармеец плечами.

– Ладно, хорошо. Но чтобы все было в ажуре!

– Все будет как положено, – повеселев, пообещал собеседник и, кивнув на прощание, пошел в сторону вокзала.

* * *

Три подводы, запряженные лошадьми вороной масти, стояли неподалеку от перрона. А кучера, дядьки в длиннополых тулупах, азартно резались в карты. Картина привычная. Наверняка понаехали откуда-нибудь из дальних сел продавать товар. Горожане – народ зажиточный, а потому стоило рассчитывать на хорошую копейку. И, только присмотревшись, можно было

различить обрезы, угловато выпирающие из-под тулупов. Впрочем, и это объяснимо – время нынче лихое, а потому без оружия нельзя никак!

Подошел Егор Копыто. Тронув мужичонка, сидящего на козлах, спросил:

– Ты ничего не забыл?

Тряхнув пегой бородкой, тот всерьез обиделся:

– Как же можно? Не впервой! Дело-то привычное.

– Скоро будут. Не зевай...

– А я завсегда, – широко улыбнулся мужичонка, показав щербатый рот. – Меня только крикни! – Повернувшись к напарнику, такому же бородачу, как и он сам, зло проговорил: – Ну чего варежку распахнул? Бросай стерки!

Егор отступил на три шага и растворился в темноте. Еще некоторое время был виден горящий окурок папиросы, брошенный им на землю, а потом потух и он.

Пройдя метров пятьдесят, Егор свернул на узкую тропу, которую с обеих сторон плотно обступали заросли боярышника. Раздвинув кусты, он негромко позвал:

– Гаврила, ты здесь?

– А где же мне быть! – бодро отозвался молодой голос. – Жду.

– Ладно, будь здесь. Не высовывайся, там легавые по перрону шастают.

– А мне легавые – тьфу! – весело сказал парень. – С одного кармана хаваем.

– Будь готов, скоро подойдет. Твои-то здесь?

– Куда же им деться-то? Рядом стоят.

– Это я так... Не разглядеть тут ни хрена!

* * *

Станция Ховрино пользовалась дурной славой. Не далее как шесть месяцев назад здесь был ограблен поезд и убит машинист, попытавшийся оказать сопротивление, а потому составы старались проскочить гиблое место как можно быстрее.

Машинист Большаков Иннокентий Яковлевич мысленно читал молитвы, проезжая стремное место.

Поговаривали, что близ этих мест лютовала банда Егора Копыто. Прежде Егор был правой рукой самого Кирияна Курахина, а когда того «закрыли» в Чека, заделался «иваном», установив в банде жесткую дисциплину.

Подъезжая к станции, Большаков увидел, что семафор закрыт. Машиниста охватило дурное предчувствие – прежде такого не случалось.

– Что они там, уснули, что ли? – повернулся он к помощнику.

– Не знаю, Иннокентий Яклич, – бесшабашно отозвался вихрастый помощник. – Сейчас на дороге черт те что творится!

– Ну чего истуканом стоишь? – в сердцах прикрикнул машинист. – Давай три гудка!

– Ага!

Прозвучало три коротких гудка – прибытие.

Из дверей вокзала, помахивая красным фонарем, вышел дежурный.

– Ну что там случилось?

– Тормози состав, – крикнул невесело дежурный.

– Что такое?

– Ремонт путей. Совсем все износилось.

– Это надолго?

– До самого утра провозятся, а может быть, и больше.

Чертыхнувшись, машинист сбросил давление пара.

– Все, приехали... Ну чего стоишь?! – снова прикрикнул он на помощника. – Отворяй дверь. Попробуем узнать у начальника станции, что там случилось.

– Ага, мигом, – помощник расторопно отворил дверцу.

– Что за власть такая, никогда не знаешь, доедешь до места или нет, – сетовал машинист. – Или колесо отвалится, или впереди пути разберут. А то и вовсе ограбят. – Он уже было привычно поднес щепоть ко лбу, чтобы осенить себя крестным знамением, но неожиданно раздумал. Не молельное нынче время. – Тьфу ты! Не приведи господь!

Дверь отворилась. И тотчас на подножку, отбросив фонарь, вскочил «дежурный». За его спиной звякнуло расколовшееся стекло фонаря.

Ткнув в грудь машиниста стволом револьвера, налетчик весело скомандовал:

– К топке! Пикнешь – пристрелю гада!

– Понял, – испуганно попятился машинист.

– И ты к нему. – Он указал револьвером на помощника. – Гаврила! – гаркнул он в темноту. – Поднимайся сюда!

На подножку бодро запрыгнул высокий сухощавый парень.

– Будут баловать – стреляй!

– Понял, Егор! – широко улыбнулся Гаврила. – Только у меня ведь не побалуешь.

* * *

Где-то в хвосте состава прозвучало три винтовочных выстрела, а им в ответ раздалась короткая пулеметная очередь. Звякнуло разбитое стекло, и отчаянный женский вопль резанул по самому сердцу.

Спрыгнув на перрон, Егор зло распорядился:

– Да заткните вы эту бабу!

Глуховато бухнул выстрел, и крик мгновенно оборвался, на самой высокой ноте. Снова завязалась короткая перестрелка, затем по перепонкам ударила взрывная волна, предпоследний вагон, тяжело подпрыгнув, сошел с рельс.

– Кириян в седьмом вагоне, – подошел к Егору белобрысый парень с «маузером» в руке.

– И в чем дело?

– Чекисты забаррикадировались, не пускают, мать их!

– Мне учить тебя, что ли?! – гаркнул во все горло Копыто. – Забыл, как это делается?! Очередями по окнам, чтобы неповадно было, и гони их в конец вагона.

– Понял! – весело отозвался парень и, придерживая рукой папаху на голове, кинулся к вагону.

Из соседнего вагона раздалась грубая мужская брань, которой отозвалась отчаянная женская мольба:

– Возьмите что угодно, только не убивайте!

Егор поднялся в вагон.

Гоша Одесский, учтиво склонившись перед хорошенькой пассажиркой, помахивал револьвером и взывал к пониманию.

– Мадам, вы меня принимаете за старьевщика, – заливался его обходительный приятный тенор. – Мне не нужна ваша ветошь. Пожалуйста, вот это кольцо!

– Возьмите!

– О господи! Какие у вас прекрасные ушки! А как их украшают сережки с бриллиантами! Снимай!

– Это подарок мужа.

– Я очень сожалею, мадам!

Не задерживаясь, Егор устремился по коридору в седьмой вагон.

– В морду ему! – услышал он рассерженный голос в последнем купе.

Послышался грохот опрокинувшегося тела, и следом испуганный голос запричитал:

– Забирайте все!

– Господа пассажиры! – звонко заголосил разбойный голос. – Даем вам две минуты, чтобы снять с себя все самое ценное. Иначе то же самое нам придется снимать уже с покойников.

У седьмого вагона раздалась длинная пулеметная очередь – на перрон густо и звонко посыпались разбитые стекла. Кто-то громко вскрикнул.

– Гони их в хвост!

Четверо налетчиков уже влезли в разбитые окна и, надрывая глотки, нагоняли страху:

– Всех постреляем! Бросай оружие! Вот так-то оно лучше будет. Давай сюда, Кирьян здесь!

– Где Савва?! – отчаянно выкрикнул Егор Копыто. – Куда его черти унесли?!

– Горло зря не дери, – сказал вышедший из-за спин жиганов медвежатник. В руке у него покачивался неизменный саквояж. – Не под пули же мне лезть.

Его степенный облик никак не вписывался в толпу гогочущих жиганов, поймавших кураж, – он был серьезен и сдержан, что еще более усиливало его сходство с провинциальным лекарем – какое может быть веселье, когда приходится ехать невесть в какую даль, да еще к ложу тяжелобольного. Поднявшись в вагон, он уверенно прошел в тамбур. Остановился напротив купе, где, вцепившись руками в стальные решетки, стоял Кирьян.

– Побыстрее! – поторопил его пахан. – Мочи больше нет ждать!

Взглянув на замок, Савва Назарович спокойно ответил:

– Придется потерпеть.

Щелкнув замками саквояжа, он распахнул его, и, порывшись в содержимом, вытащил коротенькую отмычку со множеством зубчиков.

– Вот эта в самый раз будет... Ну и замок тебе достался. – Он взглянул на Кирьяна, вцепившегося руками в решетку. – Я такие только в немецком банке видел. Видно, очень тебя большевики любят, если так крепко стерегут.

– У нас взаимная любовь, – зло отозвался Курахин.

Сунув отмычку в замочную скважину, медвежатник с минуту пытался провернуть ее, с усилием вращая кистью.

– Да тут все зубья поломаешь, – недовольно пробубнил Савва. – Крепко они тебя упаковали. – Металлические зубья отмычки, скрежеща, скользили по стальному сердечнику. – Дьявол их подери! Еще немного. – Протолкнув отмычку немного поглубже, он повернул ее еще раз, и тотчас раздался победный щелчок. Распахнув дверцу, Савва Назарович распорядился: – Выходи!

– Как вы шумно меня встречаете, – невесело хмыкнул Кирьян, посмотрев на жиганов, набившихся в коридор. – Не ожидал! – Приподняв руки, стянутые кандалами, скомандовал: – Ну чего стоишь? Не век же мне в них ходить!

Вытащив из саквояжа тонкую пилку, Савва Назарович сказал:

– Потерпи! – и деловито принялся распиливать сталь.

Через минуту кандалы звонко упали на пол. Растирая запястья, Кирьян приказал:

– А теперь давай чекистов посмотри... Куда они там попрятались?

– В соседнем купе, – отозвался Гаврила.

– Давай поторопи их, пускай вылезают, – уверенно распоряжался Кирьян. – Я на вольный воздух пойду.

– Сделаю! – метнулся жиган в противоположный конец вагона. Распахнув дверь, радостно сообщил: – Да их здесь, как тараканов! Выходить по одному! – заорал он. – Иначе всех положим.

Дверь распахнулась, и в коридор вышел красноармеец, за ним еще один.

– Винтовку давай.

Боец без сопротивления протянул оружие.

– А ну пошел на выход! – распорядился Гаврила и забросил за спину винтовку.

На перрон один за другим попрыгали разоруженные красноармейцы.

– Руки за голову! Становись вот сюда!

Заложив руки за затылок, чекисты послушно отходили в сторону.

– Ба! – радостно воскликнул Кирьян, увидев среди них человека в кожанке. – Да это никак начальник конвоя! А ну иди сюда! Как вас звать-то, товарищ чекист? «Раз, два и к стенке»?

Налетчики, стоящие рядом, одобрительно рассмеялись.

– Да с ним никак еще четверо? Какой приятный сюрприз. Вот сюда, в сторонку! Руки за голову... Не дергаться!

– Послушайте, – начал начальник конвоя, высокий, с аккуратной бородкой. – Мы просто сопровождающие.

– А может, ты и в Чека не работаешь?

– Я там всего лишь с месяц.

– С месяц, говоришь... А вот скажи-ка ты нам, непутевым, сколько за прошедший месяц ты жиганов к стенке поставил?

– Я никого не расстреливал, все решает председатель Ревтрибунала товарищ Петерс, – растерянно заговорил чекист.

– Значит, так получается – я не я и лошадь не моя? – хмыкнул Кирьян Курахин.

Жиганы одобрительно загоготали, наслаждаясь беспомощностью чекиста. Не каждый день можно встретить такое.

– Чего же ты молчишь, друг мой ситный? – ласково протянул Кирьян. – Вижу, что ты не любишь жиганов. Жить хочешь? А ну давай станцуй нам «Яблочко»! Повесели жиганов! Ну?! Я долго ждать не буду, считаю до трех. Раз... Два...

Чекист сначала неохотно, потом все быстрее и быстрее стал перебирать ногами, умело вытягивая носок. Движения красивые, правильные. Было видно, что танцевать он умел.

– Вприсядку пошел! Вприсядку! – развеселившись, выкрикивал Копыто.

Чекист лихо вращался, подпрыгивал, вызывая невольные улыбки у жиганов.

– Все, – выдохнул начальник конвоя, когда танец был закончен.

– Похвально, – сдержанно отметил Курахин. – Значит, в перерыве между решениями Ревтрибунала тешишь душу плясками?

– Вовсе нет, я с малолетства танцевать умею.

– Ну-ну, а теперь вы танцуйте, – повернулся Кирьян к чекистам, стоящим гуртом.

– Не дожدهшься! – процедил один из них, скуластый, с крепкой, мускулистой шеей.

– Что я тебе могу сказать? Не уважаешь ты жиганов... Дай шпалер, – повернулся Курахин к Егору.

Приставив ствол ко лбу чекиста, Кирьян с минуту наблюдал за его лицом, пытаясь уловить малейшие мускульные изменения. Криво улыбнувшись, скупно похвалил:

– А ты молодец, хорошо держишься. Жаль будет тебя убивать.

– А ты не жалей, я на таких, как ты, в Ревтрибунале насмотрелся.

– Больше не посмотришь! – спокойно сообщил Курахин и нажал на курок.

Голова чекиста дернулась от сильнейшего удара, и он упал на Гаврилу, стоящего позади.

– Фу ты черт! – брезгливо отряхнул тот с одежды жирные ошметки. – Все мозги на моей тужурке оставил. Ты бы, Фартовый, поаккуратнее как-то.

Курахин скривился:

– Извини, что не предупредил. Плясуна отпустить. Остальных, – кивнул он на стоявших около ворот чекистов, – шлепнуть! Кожанки не забудьте снять, – направился он к следующему вагону. – Они нам еще понадобятся.

Вскочив в вагон, Фартовый стремительной походкой двинулся по коридору. Размахивая револьвером, он звонко кричал:

– Господа, настоятельно требую открыть купе! Проявите благоразумие, выкладывайте денежки!

Сейчас в нем не было ничего от того пленника, каким он был всего-то пару часов назад.

В первом купе сидело трое мужчин и одна женщина. Один из мужчин был средних лет, весьма представительного вида. Дорогой бостоновый костюм сидел на нем как влитой. Увидев ввалившегося в купе налетчика, он улыбнулся ему почти по-свойски. Двое других застыли в немом ожидании, даже не пытаясь скрыть подступивший страх. Женщина, привлекательная особа лет двадцати, упрямо разглядывала трещинки на столе, упорно не замечая ватаги жиганов, ввалившихся в купе.

– Господи боже мой! – картинно закатил к потолку глаза Кирьян. – Какая дама! Позвольте поцеловать вашу ручку. – Сунув пистолет за пояс, он бережно взял хрупкую женскую ладонь, обтянутую черной лайковой кожей. Поднес к лицу. – Господи, как она благоухает! Господа жиганы, я сейчас сойду с ума!

За его спиной раздался одобрителный смех жиганов. Кирьяна Курахина невозможно было представить без куража, соскучившись по его чудачествам, они теперь ловили каждое его слово. На их довольных лицах запечатлелось обожание.

– Барышня, запах вашего тела способен свести с ума даже самого искушенного жигана. Поверьте мне, я знал очень много дам, но ни одна из них не дышала таким ароматом, как вы. А ладони!.. Они просто созданы для восхищения, ими нужно любоваться, как шедевром! Позвольте, я освобожу вас от этих оков. – Кирьян уверенно потянул перчатку. Почувствовав, как девичьи пальчики слегка сжались, Курахин покачал головой: – Я очень ценю вашу скромность, но уверяю вас, эти милые господа, что стоят рядом со мной, – перевел Кирьян взгляд на гогочущих жиганов, – настоящие ценители женских прелестей, – продолжал он стягивать перчатку. – Какое уродливое кольцо! – ахнул Фартовый. – Оно портит вашу ручку! А изумруд... Отвратительный камень! Вам немедленно нужно избавляться от этой вещи! Уверяю вас, иначе драгоценности принесут вам массу неприятностей!

Отобрав кольцо, Кирьян некоторое время с нескрываемым восхищением рассматривал камень.

Острый девичий подбородок вскинулся и задрожал. Девушка быстро заговорила:

– Послушайте, прошу вас. Не отбирайте у меня это кольцо. Это единственное, что у меня осталось. С ним у меня связано очень многое.

– Барышня! – Кирьян аж поморщился от обиды. – Вы нас принимаете за каких-то грабителей. Вот гляньте на этого милого человека, – показал он взглядом на Егора Копыто, широко очерившегося щербатым ртом. – Разве этот любезный человек способен принести кому-то зло? Мы всего лишь мирные жиганы. Это кольцо вам не к лицу, оставьте его мне. – Посмотрев его на свет, заявил: – Знаете, я буду носить его с собой постоянно, как воспоминание о нашей встрече. – Он положил кольцо в карман.

Девушка отвернулась.

– Какой восхитительный изгиб шеи. И какое отвратительное на нем золотое колье! А потом, вы нас обманули, сказали, что у вас нет ничего, кроме этого кольца. Егорушка, помоги барышне освободиться от ненужного груза.

– Вашу лебединую шейку, мадмуазель, – хмыкнул Копыто.

– Как вам будет угодно. – Расстегнув колье, она положила его на стол. – Надеюсь, что оно вам нужнее, чем мне.

– Можете не сомневаться, барышня.

Кирьян уже потерял к пассажирке интерес и подступил к импозантному мужчине лет тридцати. Пощупав ткань его костюма, уважительно произнес:

– Хорош костюмчик. Гаврила, как раз твой размер. Давай снимай пиджачок, а заодно и штаны!

– Позвольте...

– Ах да, ты стесняешься дамы. Барышня, вам придется отвернуться, – сообщил Кирьян. – Сейчас этот господин будет снимать порты.

Женщина отвернулась.

– Но как же можно!

– Можно, дорогой мой товарищ, – спокойно заверил Кирьян. – В наше революционное время все возможно! На то нам и дана свобода, чтобы сбросить с рук тяжелые оковы, а с тощей шеи – кровопийц-капиталистов. Сейчас у нас равноправие и такие костюмы может носить каждый пролетарий. За что же мы тогда кровь проливали?! И сумку свою не забудь... И часики... Вам тоже следует раздеться, – посмотрел он на остальных мужчин. – Даю вам три минуты. Время пошло, господа. От того, насколько вы будете расторопны, зависит ваша жизнь... Прошло двадцать секунд... Тридцать... Вижу, что вы не верите в серьезность наших намерений. Договор придется ужесточить. Тот, кто разденется последним, будет убит!

Мужчины поднялись одновременно. Не обращая внимания на жиганов, набившихся в купе, принялись лихорадочно сбрасывать с себя одежду.

– Ставлю красненькую на старика! – ликовал Кирьян. – Он еще молодым даст сто очков вперед.

– Не-ет! – смеясь протянул Егор Копыто. – Молодой первым будет. Посмотри, как из штанов выпрыгивает.

На пол полетели пиджаки. Тонко затрещала атласная рубашка, мелкой россыпью покатились пуговицы. Импозантный мужчина сбрасывал брюки, подминая их ногами, а руки уже уверенно стягивали рубаху, не обращая внимания на галстук, впившийся в горло пестрой шелковой удавкой. Еще один рывок – и к ногам налетчиков полетела рубашка.

Кто-то из жиганов подхватил брошенный на пол пиджачок и, примерив его, сунул в сумку. Вторым разделся крепыш с седыми висками, позабыв снять бабочку «кис-кис».

Старик оказался последним. Волнуясь, он пытался отстегнуть ремень, но руки, мелко подрагивая, отказывались слушаться.

– Пока ты будешь так штаны стягивать, твоя баба замерзнет, – гоготал Егор Копыто.

Кирьян поднял револьвер. Раздался отчаянный женский вопль.

– Кем ты работаешь, дед?

– Я бухгалтер.

– Ах, вот как... Значит, дело с деньгами имеешь?

– Работа у меня такая.

– И на кого же ты работаешь?

– На фабриканта Тараса Тимофеевича Юдина, – негромко выдавил из себя старик.

– Чем же он занимается?

– У него свой кирпичный завод.

– Он богатый человек?

– Да, он состоятельный человек, и дед его, и отец – все они были фабрикантами.

– Где же находится этот кирпичный завод?

– В Бескудникове.

– Когда будет зарплата?

– Через четыре дня.

– Где хозяин хранит деньги?

– Обычно у себя в сейфе.

– В сейфе еще что-нибудь есть?

– Там он хранит семейные сбережения.

– А ты молодец, умеешь нравиться... Ладно, объявляю амнистию, это большевики не умеют прощать, а мы, жиганы, люди с пониманием, так что живи, дед! Барышня, – спокойно обратился Курахин к девушке. Глаза у нее были широко открыты, полны ужаса. – Извините, что причинил вам неприятности. Но что поделаешь, работа у нас такая, как говорит бухгалтер. Вас более никто не тронет. Обещаю! Это вам сам Фартовый Кирюха говорит! – Повернувшись к жиганам, добавил: – Пойдем отсюда. Бабу не трогать, – гулко стучали его быстрые шаги по коридору. – Узнаю – убью!

– Что мы, не понимаем, что ли! – едва успевал за паханом Егор Копыто.

– Где народ? – кричал Кирьян, отворяя одно купе за другим.

– Все вышли на перрон, когда поезд остановился, – оправдывался Егор.

– Идите сюда! – восторженно крикнул с противоположного конца вагона белобрысый жиган. – Здесь их полное купе!

– Кирьян, – негромко сказал Копыто. – Пора уходить. Скоро здесь будет охрана и железнодорожники.

– Эх, Егорушка, – почти в отчаянии вздохнул жиган. – Не даешь ты мне позабавиться!

Бесшабашный и веселый взгляд Кирьяна натолкнулся на испуганные лица мужчин и женщин. Прижавшись друг к другу плечами, они в тесноте словно искали спасение.

– Знаете, кто я такой? – неожиданно спросил Кирьян, уставившись в плотного круглолицего мужчину в кепке.

Встретившись с жиганом глазами, тот неловко улыбнулся и поспешно стянул с макушки головной убор.

– Здрасьте!

Губы мужчины растянулись в заискивающей улыбке. Лицо пассажира показалось Фартовому знакомым. Так поспешно стягивать головной убор приучены только каторжане, неожиданно столкнувшиеся с начальством. Отсюда и заискивающий взгляд и стремление расположить к себе всякого собеседника. Движение очень характерное, отработанное годами, его невозможно спутать ни с каким другим. В нем прячется почти животный страх перед возможным наказанием и одновременно надежда на благоприятный исход.

– Это ты, Иоська? – удивился Кирьян, рассматривая в упор круглолицего.

– Он самый, Кирьян... – всего лишь небольшая заминка, поднатужившись, мужчина отыскал подходящее слово, – Матвеевич.

Кирьян сузил глаза – не самое подходящее место для злых шуток.

– Ты это... того... Какой я тебе Матвеевич?

В глазах толстяка плеснулось замешательство. Будто бы пущенные по воде круги, оно сказалось на пальцах, которыми тот беспокойно теребил снятую шляпу. Вот сейчас он услышит приговор...

– Как же не Матвеевич? – вполне искренне подивился толстяк. – На сибирской каторге вы «иваном» были, а я майдан держал. Так что мне до вашей чести далековато. А потом авторитет...

И вновь заискивающая, просящая улыбка.

Кирьян хмыкнул. Толстяк не шутил. Иосиф Львович Брумелъ действительно был майданщиком на сибирской каторге, а Кирьян, как «иван», охранял его стол, за что получал по полтине в день. Первый раз их пути пересеклись восемь лет назад, когда очередной этап «семи морями» перегоняли из Одессы на Камчатку. Толстяка били смертным боем, лупили впрок, чтобы не забывал арестантскую науку и не тянул с каторжан семь жил.

В тот раз только вмешательство Кирьяна предотвратило смертоубийство.

Второй раз их пути пересеклись пять лет назад, в Петропавловске-Камчатском, славившемся по всему полуострову своими строгими порядками. Пребывая в кандальной тюрьме, Кирьян удивлялся тому, что каждую неделю какая-то милосердная душа передавала ему рублик, который в то время являлся для него немалым подспорьем. Только когда он был переведен в околоток – небольшую больничку, где можно было отдышаться и залечить язвы от кандалов, – к нему появился поселенец и, сняв картуз, явно стесняясь собственного благополучия и сытости, сообщил о том, что это он скармливал ему рублики на скорейшее выздоровление.

В этом поселенце Курахин узнал Иосифа, которого некогда спас от смертного боя.

* * *

– Матвеевича забудь! – отрезал Кирьян. Посмотрев на перепуганных пассажиров, он продолжал: – Ты мне товарищ! Господа, советую облегчить собственную участь и освободиться от золота и всех драгоценностей. Даю вам три минуты! Копыто, – повернулся Кирьян к сподвижнику: – Засекай!

– Сделаем, – охотно согласился Егор Копыто, вытащив из кармана серебряные часы.

Особенно расторопно люди освобождаются от драгоценностей под дулами револьверов, направленных точнехонько в центр лица. Со стороны создается впечатление, что золото просто начинает жечь им кожу.

Кирьян с усмешкой наблюдал за их стараниями.

На столе быстро росла горка драгоценностей: кольца, колье, перстни, портсигары. Здесь же лежали бумажники и кошельки. Сильно стукнув, старичок в ветхом пиджачке установил в центр стола малахитовую шкатулку, инкрустированную золотом.

В углу тамбура подле окна стояла молодая женщина и никак не могла снять с безымянного пальца перстень с сапфиром. Понаблюдав за ее потугами, Кирьян усмехнулся:

– Сударыня, если вы будете так рвать перстень, так наверняка останетесь без пальца. Давайте я вам помогу.

– Как вам будет угодно, – протянула женщина ладонь, словно подавала ее для поцелуя.

Уверенным движением Кирьян снял с пальца украшение.

– У вас очень здорово получается, – фыркнула женщина.

– Практика-с, мадам!

Посмотрев камень на свет, Кирьян положил перстень в карман.

Взяв со стола часы, Кирьян произнес:

– Итак, господа, время ваше вышло. Гаврила, собери добро.

Открыв саквояж, тот широким движением смахнул драгоценности в кожаное нутро. Золотой дождь просыпался с тихим шорохом и рассыпался по широкому дну.

– Сколько ты мне тогда рублей дал? – спросил Кирьян у бывшего майданщика.

– Не считал, Кирьян Мат...

– Вот возьми, – протянул он Брумелю золотые часы. – Кирьян не любит оставаться в долгу. Этого достаточно?

Взяв часы, майданщик закивал:

– Достаточно, барин. Благодарствую! Сполна хватит.

– Чем ты сейчас занимаешься?

– Коммерция у меня, торгую понемногу.

– Где тебя найти?

– На Сухаревку заходите, там Иосифа Львовича любой покажет. Я человек полезный.

– Загляну, – пообещал Кирьян.

– Уходим, Кирьян, – торопил его Копыто. – Пора!

Вышли из купе. В тамбуре, зажав лицо руками, сидела молодая девушка в разорванной кофточке. Кирьян только хмыкнул: веселятся жиганы! Понять их можно, кровушка-то кипит. А с девки не убудет!

Подводы, заваленные добром, стояли на платформе. Кучера, взяв вожжи, терпеливо дожидались.

Спрыгнув с подножки, Копыто подскочил к одному из кучеров, мужчине с окладистой бородой, и коротко скомандовал:

– Поедешь лесом до хутора. Там разгрузишься.

– Знаю, хозяин, – обиженно протянул возница, шевельнув вожжами. – Ведь обговорено уже.

Вышел Кирьян. Застреленные чекисты лежали вповалку, без всякого почтения. Один из жиганов, с огромным самоваром в руках, торопился к подводе. Возможно, что в хозяйстве и он необходим, но золотишко было бы предпочтительнее. Споткнувшись о выставленную ногу убитого, парень зло чертыхнулся и поторопился к тронувшейся подводе.

– Но, пошла! – хлестнул бородач вожжами по крупу застоявшуюся лошадь. – Да бросай ты сюда свой самовар!

– Ты это, Гурьян, поосторожнее! – Жиган уложил аккуратно самовар. – Бабе своей хочу подарок сделать.

– Да что с ним будет! – рассмеялся бородач. – Но, пошла, родимая! – ударил он вожжами лошадь, заставив ее бежать трусой.

– Кирьян, – подошел к главарю молодой улыбчивый парень. Кирьян узнал в нем того самого красноармейца, что сообщил ему о предстоящем налете. – Пойдем за вокзал, там карета тебя ждет. Со всем почетом докатишься. И сразу на блатхату, там марухи по тебе соскучились!

Веселость молодого жигана отчего-то раздражала. Хотя, может быть, и зря. Ведь не исключено, что тот жизнью из-за него рисковал.

– Кожаную куртку откуда взял? – хмуро спросил Курахин.

– Так ведь вот они, – растерянно кивнул жиган на убитых чекистов. – Не пропадать же добру. Да и вещица все-таки хорошая, ноская! – Улыбнувшись во всю ширь, добавил:– Да и бабам очень нравится!

– Ходишь, как чекист! Я на эту кожу в кабинетах «чрезвычайки» насмотрелся. Скидывай!

– Как скажешь, Кирьян, – примирительно кивнул молоденький жиган.

Сняв куртку, он перебросил ее через плечо.

– Так поедем?

– Ксивы у чекистов забрали?

– А то, – засветилось радостью лицо жигана. – Все здесь, – похлопал он ладонью по карманам брюк.

– Что-то я тебя не припоминаю, откуда ты?

– У Федора Моченого был. А когда его замели, так я к Егору прибился.

– Понятно. Тебя как кличут?

– Антип.

– Вот что, Антип, к бабам потом. Знаешь, где Дарья живет?

– Знаю.

– Что с ней?

– Наши ее не трогают. Неизвестно, как ты отнесешься.

– Все правильно, – хлопнул Кирьян по плечу жигана. – У меня к ней должок, я с ней сам переговорю. Пошли!

Автомобиль стоял в тени деревьев и был едва различим. Водитель, заметив приближающихся жиганов, завел двигатель, и машина, вынырнув из темноты большой черной рыбиной, осветила фарами подошедших.

Распахнув переднюю дверцу, Кирьян плюхнулся на пассажирское кресло. На заднем устроился Егор Копыто.

– Дарью, шалаву мою, знаешь? – по-деловому спросил Кирьян.

– Ну?

– Поехали к ней! Ну а потом к лялькам!

– Как скажешь, Кирьян!

Глава 6

ЛЕПИ УЛЫБКУ ШИРЕ

Автомобиль быстро катился по проселочной дороге.

– Мы толком так и не поговорили: как сейчас в Москве?

– Дают чекисты, – высказался Егор. – Твой Сарычев да баба еще одна при нем, Марией, кажись, зовут. Она у него замом.

– Значит, баба в Чека? – хмыкнул Фартовый. – Это что-то новенькое.

– А что ты хотел, какой режим – такие порядки.

– Повстречать бы ее, – зло процедил Фартовый, – я бы ей впендюрил!

Помолчав, он вынул из кармана револьвер и, взвесив его на ладони, вздохнул:

– За решеткой совсем от шпалера отвык. А с ним теперь и вправду на воле себя почувствовал.

Развернувшись, машина нырнула в темноту. Некоторое время ехали молча. По обе стороны плотной стеной тянулись кустарники. Ветки, растопырившись, со злорадством стегали по лобовому стеклу, царапали кузов. В одном месте колесо провалилось в колдобину, сильно ударившись рессорами.

– Сбавь обороты, Николай, – неодобрительно сказал Кирьян, – не хватало еще застрять в этой глухомани. Не пешкодралом же до Москвы идти!

– Тоже верно, – согласился водитель. – Ведь с таким пассажиром едем!

Одно время Николай Зайцев по кличке Колька-шофер работал водителем в крупном питерском меховом магазине. Занимался тем, что доставлял товар крупным заказчикам. Проработав с полгода, он однажды исчез вместе с большой партией меховых изделий. Первая же попытка продать похищенный товар свела его с московскими жиганами, которые потребовали пятьдесят процентов от реализации. Покожевряжившись для вида, Николай понял, что большего ему не раздобыть, и, получив обговоренный процент, сам запросился в компанию к Кирьяну.

Развалившись на сиденье, Кирьян покурил, выпуская струйку дыма уголком рта. На душе было хорошо и спокойно, худшее осталось где-то в поезде, что застрял на станции. Трудно было поверить, что каких-то три часа назад он трясся в душном вагоне, а будущность упиралась в стену с отметинами от пуль.

– Если по-быстрому, то часа за полтора доберемся, – уверенно предположил Колька-шофер. – Тут дорога хорошая, накатанная.

– А я никуда не тороплюсь, – ответил Кирьян. – Не напорись на патрули. По ночам их до черта шастает!

– Не беспокойся, Кирьян, – примирительно заверил водитель. – Заставу проедем, а там дальше нас никто не достанет. Ксивы у нас тоже в порядке.

– А вот это для тебя, – протянул Егор Копыто сложенный вдвое листок бумаги.

– Ого! Мандат! «Удостоверение... Оперуполномоченный МЧК Крайнов Василий Федорович. Всем органам власти оказывать содействие в выполнении профессиональных задач подателю документа. Председатель Ревтрибунала Я.Х. Петерс»... Ксива верная?

– А то!

– Я с таким документом даже в Кремль могу войти!

– Откуда мандат?

– У нас в Чека свой человек.

Стараясь не порвать бумагу, Кирьян аккуратно сложил ее и спрятал в нагрудный карман.

У Краснопресненской заставы машину тормознули два бойца. Высокий красноармеец в длинной шинели уверенно преградил путь легковой машине. Правая рука придерживала за

ремень трехлинейку. Другая лениво упала вниз, приказывая остановиться. Второй, едва ли не на голову ниже, стоял рядом и внимательно наблюдал за приближением автомобиля. Еще несколько человек стояли в стороне и на первый взгляд не проявляли никакого интереса к подъезжающей машине.

У небольшой каменной будки был установлен пулемет, повернутый стволом в сторону дороги.

– Спокойно, – сказал Кирьян. – Я сам буду говорить. – Посмотрев на напряженно застывшего Егора, бодро добавил: – Улыбку шире лепи, как будто корефана повстречал.

– Понял, Кирьян.

Место для заставы было выбрано удачно. Сразу за шлагбаумом – пустырь, любой, кто надумает вырваться из города, должен будет преодолеть сто метров открытого пространства, а сделать это под стволом «максима» очень непросто.

Колька нажал на тормоз. С обеих сторон к машине потянулось шесть человек. Четверо вооружены винтовками, а у троих у бедра в деревянных кобурах болтались «маузеры».

– Что-нибудь не так, командир? – весело спросил Кирьян.

Глянул в строгое лицо красноармейца и будто бы на пику напоролся.

– Документы, товарищи, – вежливо и одновременно непреклонно потребовал красноармеец.

Кирьян сунул руку в карман и неторопливо вытащил мандат.

– Торопимся мы, товарищ.

Красноармеец взял мандат. Внимательные строгие глаза буквально впились в документ, придирчиво изучая каждую букву. Кирьян с интересом рассматривал точеный профиль, с легкой горбинкой, – молод, не более двадцати пяти лет, черноглаз, вида жиганского. Такие парни не утруждают себя угрызениями совести. Пальнут между глаз и отправятся допивать остывающий чаек.

Прочитав документ, красноармеец тщательно сложил его.

– Куда направляетесь, товарищи?

– К председателю Ревтрибунала товарищу Якову Петерсу, – не моргнув глазом, уверенно отвечал Курахин. – А разве нас в чем-то подозревают?

Подошедшие красноармейцы обступили автомобиль.

– Просто таков порядок, – спокойно ответил красноармеец, продолжая держать мандат. – А что вы собираетесь делать у товарища Петерса?

– Хм... Я должен отвечать вам и на этот вопрос?

– Да, – спокойно кивнул красноармеец. – Именно по его распоряжению выставлены заставы. Бандиты лютуют, в городе неспокойная обстановка.

– Хм... Вот оно, значит, как... Вы слышали, товарищи, с кем нам придется бороться? – обернулся Кирьян на присмирившего Егора Копыто.

Внешне на лице жигана не отразилось никаких переживаний. Вот только у носа углубились морщины, придав лицу дополнительную жесткость. Правая рука скользнула под расстегнутое пальто. Достаточно моргнуть, чтобы Егор выхватил револьвер и в секунду выпустил четыре пули в обступивших их красноармейцев.

Останутся еще двое. Как быть с ними? Наверняка в будке остался кто-то еще – они тут же выскочат на выстрелы. А один из бойцов предусмотрительно подошел к пулемету. Рассредоточившись, бойцы начнут палить по отъезжающей машине, а проехать сотню метров открытого пространства под пулеметным огнем – весьма сложная задача.

– А может, оно и правильно, – неожиданно посуровел Курахин. – Время того требует. Сейчас какой только контры не встретишь. А едем мы к товарищу Петерсу вот по какому делу... Несколько часов назад бандиты на подмосковной станции отбили у конвоя уголовного Кирьяна Курахина по кличке Фартовый. Слыхали о таком?

– Это что, тот самый?

Вроде бы ничего не произошло, взгляд красноармейца по-прежнему суров, вот только интонации как будто помягчели.

– А другого нет.

– Как же ему удалось бежать? Такая охрана...

– Я сам об этом знаю очень немного. Нам позвонили со станции и сказали, что поезд был остановлен налетчиками. Пассажиры ограблены, а Кирьян отбит жиганами.

– Там же были чекисты!

– Им не повезло, товарищ... Бандиты расстреляли их, одного из них Курахин убил лично. Вопросы еще есть? А то нас товарищ Петерс заждался.

Красноармеец вернул «мандат»:

– Проезжайте! Извините за задержку, сами видите, что творится.

– Видим, товарищи! – с явным облегчением отозвался Кирьян, забирая документ. Упрям его в карман, он спросил: – Только я никак не пойму, почему вы нас остановили. Неужели мы на налетчиков похожи?

Всего-то секундная пауза, показавшаяся Кирьяну вечностью.

– Кепка мне ваша не понравилась... Восьмиклинка, – признался, чуть смутившись, красноармеец, – такую обычно жиганы носят. А потом, у вашего товарища фикса золотая, – кивнул он на Егора Копыто. – Не часто встретишь такую у чекистов.

– Вот как? – удивленно протянул Кирьян. – О товарище Сарычеве приходилось слышать?

– Приходилось, – сдержанно отозвался красноармеец.

– Так это и есть тот самый товарищ Сарычев, собственной персоной, – показал он на Егора. – Если бы не его знаменитая фикса, так многие жиганы до сих пор на воле бы расхаживали!

– Много о вас слышал, товарищ Сарычев, – с почтением произнес красноармеец, – но вот встречать не доводилось. Рад знакомству!

Егор Копыто сдержанно кивнул, проклиная в душе разговорчивость Кирьяна. Тот был в своем репертуаре, не может обойтись без шуток. А ведь по лезвию ножа топает.

Красноармеец, отступив на шаг, распорядился:

– Дайте дорогу!

Красноармейцы, стоявшие на дороге, почтительно разомкнулись, и машина, просигналив на прощание, двинулась вперед.

– Только не гони, – предупредил Кирьян. – Не хватало после всего пережитого получить в спину пулеметную очередь.

Когда машина отъехала на значительное расстояние, Курахин облегченно вздохнул:

– Знаешь, эти сто метров мне показались самыми длинными в моей жизни. Останови!

– Зачем? – удивился Колька-шофер.

– Останови, сказал!

– Как скажешь.

Автомобиль остановился. Открыв дверцу, Кирьян снял с головы кепку-восьмиклинку и зашвырнул ее на обочину.

– Все, поехали!

– Зачем ты Сарычева-то приплел? – угрюмо спросил Егор.

Кирьян Курахин невесело усмехнулся:

– А потому что жить хотелось. Ты видел, как он нас разглядывал? Не знаю, что там его насторожило, но отпускать он нас не хотел. Да и легавые нас окружили, как охотничьи псы медведя!

– А если бы кто-нибудь из них знал Сарычева? Тогда что?

– Видишь, нам повезло, – безмятежно улыбнулся Кирьян. – На то я и Фартовый! Давай теперь к Дарье, заждалась меня краса ненаглядная.

Дальний свет фар высвечивал малейшие неровности на дороге, и автомобиль, мелко подпрыгивая, мчался в центральную часть города.

– Я вот что думаю, Кирьян, – осторожно подступился с разговором Егор Копыто. – А не зря ли мы подводы с добром отпустили? Нужно было сначала разделить и сваливать, а уж только потом своими делами заниматься.

– Вот что тебя мучает. Оставь! Куда они от Кирьяна Курахина денутся! За каждое кольцо спрошу! А потом – я так мечтал с этой сучкой рассчитаться, а ты мне говоришь про какое-то добро... Нет, не зря! – Глаза Кирьяна злобно блеснули. – Я у нее за все спрошу!

– Ну, если так, – неопределенно качнул головой Копыто. – А то знаешь ли, как тебя взяли, так разные разговоры пошли...

– Что за разговоры? – насторожился Курахин.

– Не обижайся, Кирьян, говорю так, как есть... Говорили, что ты уже не тот, что был раньше.

– И почему же?

– А сам подумай, как же это так получилось, что баба могла окрутить такого жигана, как Кирьян!

– Ах, вот оно что. Значит, баба такая умная.

Колеса автомобиля дребезжали по брусчатке, выколачивая мелкую дробь. Вот и Мещанский переулок, в конце которого дом, где проживает Дарья.

– Коля, глуши мотор!.. Побудь пока здесь, а мы с Егорушкой мою любовь навестим.

Кирьян бодро выбрался из салона. Огляделся. Давненько здесь не бывал. Типичная московская улочка, с многочисленными проходными дворами. Внутри неприятно ворохнулось, а ведь, провожая Дарью до калитки, он любил прогуливаться именно этой стороной, наиболее тенистой. И, облюбовав закоулок потемнее, не ведая греха, мямлил ее сдобное и аппетитное тело.

Подошел Егор Копыто.

– Нахлынуло? – посочувствовал он. – Брось!

– Пойдем, – решительно сказал Кирьян и, не оборачиваясь, зашагал к дому Дарьи.

Где-то в конце улицы, явно спросонья, закукарекал петух, а ему лениво, в басовитой тональности, отозвался в соседнем дворе пес – тявкнул два раза и, громыхая тяжелой цепью, скрылся в будке.

Вот и привычная калитка. Невысокий забор. Взгляд натолкнулся на треснувшую дощечку, которую он как-то случайно сломал. Внутри щемануло – на какие только глупости он не шел ради Дарьи! Взявшись за ручку, Кирьян не сразу открыл калитку.

– Постой, давай через забор, там нас никто не увидит, – вдруг сказал Кирьян. – А оттуда к двери.

В окне горел свет. В какой-то момент Курахина разобрала ревность. Значит, не забылось. Кирьяну нехотать вспомнилось, с какой страстью Дарья билась под ним в любовной схватке, – пальцы до сих пор продолжали хранить тепло ее кожи, он помнил запах ее волос.

Пошло оно все к черту! Если не сопротивляться нахлынувшему чувству, то оно просто раздерет на части.

– Кирьян, что с тобой? – обеспокоенно спросил Егор Копыто.

– Ничего, – пожал Фартовый плечами.

– Мне показалось, что ты застонал.

– Накатило... Забудь!

– В окно посмотри, – показал Егор. – Не одна твоя барышня.

В ответ Фартовый лишь невесело хмыкнул:

– Не скучает... А ты чего думал? Такие бабы, как она, одинокими не бывают. Кирьяна под боком нет, так она тотчас себе хахалю завела.

– А может, там Сарычев? – с затаенной надеждой предположил Копыто.

Курахин внимательно посмотрел на подельника: вот что значит родственная душа – об одном думалось!

– Хотелось бы.

Поднялись на крыльцо. Огляделись. На улице стоял их автомобиль, – Колька явно скучал, откинувшись на спинку, он глядел в молчаливую темноту.

– Мыслитель, мать его!

За дверью глухо раздавались голоса. Кирьян осторожно потянул за ручку. Дверь не поддавалась.

– Может, плечиком надавить? – предложил Егор.

– Обожди. Без шума нужно. Хочу сюрприз девоньке устроить. Где-то тут я прутик видел подходящий, – посмотрел Кирьян по сторонам. – Ага, нашел!

Подняв с земли тонкую ветку, Кирьян просунул ее в щель между косяком и дверью и осторожно приподнял крючок. Откинувшись, он негромко стукнулся о косяк.

Фартовый приоткрыл дверь. Из горницы доносились приглушенные голоса. Раздался женский смех – беззаботный, задорный, разодрав нутро Кирьяну, будто заточенным железом. Ему пришлось совершить над собой немалое насилие, чтобы не поддаться нахлынувшей ярости. В кулаке хрустнул раздавленный коробок спичек, причинив боль. Вытащив из кармана руку, Кирьян осмотрел ладонь.

– У тебя кровь, – кивнул на пальцы Егор.

Кирьян только отмахнулся. Его внимание привлекла кожаная куртка, висевшая в коридоре. Он тихо подошел к ней и быстро обшарил. Так... револьвер... хорошо, пригодится. А это что – удостоверение. Куракин развернул его. С фотографии на него глянуло знакомое лицо. Да это же Назар – бывший подельник, отчаянный жиган. В удостоверении же значилось, что это Никифор Васильевич Спирин – сотрудник уголовного розыска. Дела...

Сунув удостоверение в карман, Кирьян решительно шагнул к двери. Копыто, как тень, последовал за ним...

Услышав скрип отворяемой двери, Дарья испуганно обернулась. Курахин увидел, как у девушки от ужаса широко распахнулись глаза, а крик, уже готовый было сорваться с хорошеньких губ, тотчас был прикрыт узкой ладошкой. Мужчина, сидевший рядом с Дарьей, выглядел совершенно невозмутимым. Впрочем, люди с такой могучей комплекцией редко нервничают.

По уверенности, с какой он держался, чувствовалось, что в этом доме он частый гость.

– Здравствуй, Кирьян, – спокойно сказал мужчина.

– Здравствуй, Назар.

Дарья удивленно взглянула на своего гостя.

– Ты его знаешь?

Кирьян усмехнулся:

– Как же ему не знать меня, если мы с твоим хахалем когда-то вместе нэпманов щипали, как курочек! Слышал я, что ты, Назар, теперь Никифор Спирин?

– Выходит, что так.

– Слышал я о... подвигах Спирина Никифора, только вот никак не думал, что это тот самый Назар, с которым мы на каторге баланду хлебали. Пристроиться решил... Спецпак, значит, для тебя будет получше, чем жиганская хавка.

Лицо Назара побледнело. Рот перекосило. Равнодушие давалось ему с трудом. Глаза, вопреки его воле, невольно косили в сторону револьвера, направленного точно ему в грудь.

– Ты не так понял, Кирьян, тут совсем другое.

Жиган отрицательно покачал головой:

– Бороду клеишь, Назар. Засухариться решил. Думаешь с большевиками фарт поймать. А только от нас ведь никуда не денешься. Или не знал?

– Кирьян, не делай глупостей. Я тебе буду полезен.

– Вот как. Что же ты большевикам про себя наплел?

– Наплел с три короба, поверили! – ободрившись, сказал Назар. – Сейчас в уголлке какого только элемента нет! И эсеры, и меньшевики, и анархисты... а чем мы хуже остальных? Я там на хорошем счету. Если каждый из нас будет на своем месте, так мы с тобой такие дела замути! – с воодушевлением стиснул кулаки Назар.

В какой-то момент Кирьян размяк, даже морщины на лбу разгладились. Еще секунда – широко распахнет руки и примет в объятия бывшего подельника.

– Ты клятву жиганскую давал?

Бывший жиган нервно сглотнул:

– Чудак-человек, как ты не можешь понять...

– Ты не ответил.

– При чем тут клятва? – в отчаянии воскликнул Назар, взмахнув тяжелыми руками. – Я тебе о настоящем деле говорю!

– А вот теперь ты меня послушай... В жиганской клятве говорилось, что если ты отступишь от жиганского пути, то пускай тебя покарает рука твоего собрата. Признаешь?!

Назар сглотнул слюну и негромко сказал:

– Было дело, но тут ведь другое...

– Значит, и отвечать за свои дела надо.

– А только ты мне за бабу мстишь. Сначала ты ее того... А потом я ее употребил. Знаешь, а она хороша... уж больно мне хотелось посмотреть на ту бабу, из-за которой потерял голову сам Кирьян. А как потер ее, так понял, что ничего в ней особенного нет. Такая же, как все, вот только рожей посмазливее будет...

– Прекрати! – выкрикнула в отчаянии Дарья. – Какие же вы все сволочи!

– ...А когда я ее раскладывал, – яростно сверкнули глаза Назара, – она такая миленькая, такая беленькая, что...

Раздался выстрел, наполнив помещение запахом пороха, прервав откровения Назара на полуслове. Безвольное тело завалилось на бок, опрокинув стул.

Девушка, вжавшись в угол, боялась пошевелиться, со страхом наблюдая за Кирьяном.

Улыбнувшись, Курахин устроился рядом.

– Да ты вся дрожишь! – расчувствовался жиган. Голос у него был проникновенный, сочувствующий – ничего не осталось от того человека, каким он был всего лишь минуту назад. – Что это на тебя нашло? А может быть, это я тебя напугал? Пустое! Это же я, твой Кирьян!

– Да-да, я вижу, – кивала Дарья, сглатывая слезы.

– Даже прическа у тебя растрепалась, – продолжал сочувствовать жиган. – Давай я тебе ее поправлю. – Стволем револьвера он бережно убрал с ее лба прядь. – Вот так... Теперь ты у меня настоящая красавица!

– Спасибо.

– Пустяки... Если бы ты знала, девонька, как я по тебе скучал. Бывало, такая тоска накатит, что белый свет возненавидишь. Ты меня слышишь?

– Да, Кирьян, я тебя слышу, – торопливо кивала девушка.

– Я вот что думаю, Дашенька, как бы мы с тобой хорошо жили, повернись оно все по-другому. – Кирьян притянул к себе девушку. – Ну чего ты все ухмыляешься? – укорил он Егора. – Неужели в нашу любовь не веришь?

– Отчего же не верить-то?

– Тогда скажи, Егор, мы правда хорошая пара?

– Лучшей я не знаю.

Вдруг Кирьян отстранился от Дарьи. Некоторое время он разглядывал ее в упор, с заметным интересом, словно бы видел впервые.

После чего спросил:

– А ты ведь тоже меня любила, Дарья. Признайся, ведь любила?

Разговор затягивался. Отвернувшись, Егор спрятал ухмылку – одичал Кирьян в одиночестве, пусть душу отведет.

Егор Копыто подошел к окну и, раздвинув чуток занавески, посмотрел во двор. Его встретила ночь. Тихая, прохладная, равнодушная. Где-то у забора должен стоять автомобиль, отсюда не рассмотреть.

Брезгливо отпихнув ногой руку убитого, он вернулся к столу и устроился на освободившийся табурет.

Торопить Кирьяна не полагалось – пахан знает, что делает. А потом, Фартовый не лишен был чудачеств, не театр, конечно, но слушать занятно.

Неожиданно Кирьян нахмурился:

– Вот ответ мне, барышня, что же у тебя за натура такая – любить порочных? Сначала в одного жигана втюрилась, потом в другого! – брезгливо кивнул он на распластанный труп. – А может, тебе и третьего захочется?

Девушка отвернулась, закусив губу.

– Ты как, Егор, не хочешь побаловаться? Для друга мне ничего не жалко.

– А что, я готов, бабенка она справная, – мелко хихикнул Копыто.

– Кирьян, – взмолилась Дарья, – оставь меня!

– Знаешь, какая у меня мечта была, пока я у чекистов гостил? – Голос Фартового неожиданно посуровел.

– Какая?

– Вытягивать из тебя клещами жилочку за жилочкой, чтобы видеть, как ты от боли на стенку лезешь.

– Не делай этого, прошу тебя! – взмолилась Дарья.

Кирьян поднялся.

– Думал сам ее, собственными руками... А как увидел эти глазища, понял, что не смогу, – честно признался жиган. – Будто бы переворачивается во мне что-то. Никто так мне в душу не заглянул, как эта баба! Знаешь что, Егор, сделай это сам. Я тебя во дворе подожду.

– Как скажешь, Кирьян, – с видимым равнодушием согласился Егор. – Мне-то не впервой. – Сорвав со стены бельевую веревку, Копыто подступил к девушке. – Иди сюда, моя красотуля, я тебя сейчас приголублю!

Дарья отшатнулась.

– Не делайте этого, умоляю вас!

Кирьян вышел, громко хлопнув дверью. Спустившись с крыльца, Кирьян поймал себя на том, что он уже вычеркнул Дарью из списка живых. Из-за двери раздавался ее голос, очевидно, она умоляла пощадить ее, но в действительности от нее осталась всего лишь тень, так сказать, оболочка, не вызывавшая в его груди ни малейшего душевного отклика. Это как пожелтевшая от времени фотография, стоящая на чужом комодике и в чужой комнате. Держишь ее в руках, всматриваешься в лица, и ничего в душе не шевелится. Потому что снимок давний, а люди, запечатленные на фотографии, уже давно ушли.

Ожидание было недолгим. Громко стукнув дверью, вышел Копыто. В руках сумка.

– Как ты ее?

– Узел на шее затянул, – буркнул Копыто, – она как-то хрюкнула и голову набок закинула.

Кирьян нахмурился:

– Без подробностей. Что в сумке?

– Барахлишко собрал. Кое-какие шмотки были, не пропадать же добру. Ей-то уже без надобности, а вот нашим марухам в самый раз будет.

– Оставь! – сказал Кирьян.

Егор удивленно захлопал глазами:

– Шутишь, Кирьян? Чего это легавым-то оставлять?!

– Мне от этой сучки ничего не надо.

Сказано было тихим усталым голосом, но Егор понял, что сейчас не самый подходящий момент для возражений.

Зашвырнув сумку в глубину двора, буркнул:

– Пускай тогда поищут.

Егора Кирьян знал давно и доверял ему. Жиган он верный и рисковый. Умеет подчиняться, но и сам не промах. Фартовый знал, что у Егора есть сестра, которую тот очень любит и держит подальше от своей воровской жизни. Бережет, значит. Не любит, когда другие жиганы расспрашивают его о ней. Небось и барахлишко тоже ей подсобрал. Ничего, обойдется...

Уже не таясь, жиганы вышли на пустынную улицу и быстрым шагом направились к машине. К их удивлению, на улице ее не оказалось...

– Что за хренотень? – невольно выругался Кирьян. – Где машина? Да я твоему шутнику ноги на шею завяжу!

– Не горячись, Кирьян, – увещевал его Копыто, – что-то здесь не так. Прежде за ним таких шуток не наблюдалось... Глянь туда! – кивнул он в сторону кустов.

Под кустом боярышника, скрючившись, лежало безжизненное тело.

– Никак Колька?

– Он самый. Кто же это его так крепко приголубил? Эх, машину жаль!

Взяв водителя за плечи, Кирьян перевернул его на спину. Негромко простонав, Колька открыл глаза.

– Где машина? – потрянул Кирьян его за плечи.

– У-у, – ухватился он ладонью за голову. – Не знаю.

– Ты хоть помнишь, что произошло? – подошел Егор.

– Не помню... Голова гудит... я ведь из машины даже не вылезал. Услышал, что кто-то идет, думал, что вы. Повернулся, а меня хрясь по кумполу... И я отключился.

Кирьян нахмурился:

– Ты хоть рассмотрел, кто тебя по макушке звезданул?

– Где тут, – только простонал Колька. – Хотя постой... Помню, что кожанка на нем была... Такая, какую чекисты носят. Я только головой успел слегка дернуть, ладно хоть живой.

– Машина – вещь приметная, просто так ее не спрячешь. Узнаю, что кто-то из своих, – убью!

– Да где их теперь разыщешь, – безнадежно махнул рукой Егор. – Заприметили нас, когда мы сюда подъезжали, вот и увязались.

– Ладно, чего лежишь? Простудишься! Нас на блатхате девоньки ждут.

Глава 7

ЖИГАНСКАЯ МАЛИНА

– Так куда мы сейчас топаем-то?

– На Ивановскую горку, – сообщил Егор Копыто. – Извозчика бы не помешало.

– Сейчас ни один из них туда не поедет. Стремно!

Высокий склон круто уходил к Китай-городу, Яузе и Москве-реке. Улочки в низине извилистые, коротенькие, в них всегда можно было без труда затеряться в случае опасности.

Район был отчаянный, жиганский, и даже в самое трудное время здесь можно было отыскать майданчика, который рискнет взять любой стремный товар.

Заповедное место жиганы берегли, а потому никогда не сбывали товар на близлежащем рынке. Если где и можно было его увидеть, так на Хитровке или вот еще на Сухаревке.

Внутри у Кирияна сладко щемануло, остановившись, он с минуту созерцал ночной город. Крыши домов, посеребренные полнолунием, выглядели особенно нарядными. Красотища-то какая! Вот так все бегаешь куда-то, от чекистов прячешься, а чтобы душу красотой залечить – все времени не находишь.

И вновь город накрыл мрак – порадовала луна светом, да и спряталась за кучерявые облака, будто чего-то устыдившись.

Метрах в тридцати мелькнула чья-то фигура, заставив возвратиться в действительность. Теперь Фартовый понимал, что каждый их шаг умело контролируется. И окажись они не те, за кого себя выдают, то вряд ли им удалось бы выбраться отсюда живыми. Не одна безвинная душа сгинула в закоулках Хитровки. Благо, есть где замолить грехи – рядом, в Подколольном переулке, стояла часовенка, пользующаяся немалой популярностью у коренных хитрован. После смертоубийства, когда душа истомится от божьего укора, можно завернуть в храм. А там выходи, как вновь рожденный!

Глядишь, душа и освободится для нового злодеяния.

Прошли мимо бродяги, сидящего на ступеньках полуразрушенного дома. Всмотревшись в полуночных гостей, он приподнял ветхую шляпу и, обнажив в уродливой улыбке беззубый рот, проговорил:

– Господа, грошик на курево не подадите?

Сунув рубль в открытую ладонь, Кириян двинулся дальше.

– Благодарствую, мил человек, – крикнул вдогонку нищий.

Луна, пробившаяся сквозь тучи, осветила хитроватую физиономию бродяги, не помнящего родства. Он был не так пьян, как могло показаться на первый взгляд. Один из тех, кто стоял на страже Хитровки. Едва Кириян прошел, как он поднялся и пошел следом.

Вошли в темный узкий переулок. Еще одна тень пересекла дорогу, да и скрылась в проходном дворе.

Оставшись на углу, Егор Копыто некоторое время всматривался в темноту, пытаясь определить только ему одному ведомые знаки, и, не обнаружив ничего подозрительного, объявил:

– Все, пришли! Ждут нас!

* * *

Жиганы научились конспирации, а потому и само здание, и блатхата, находящаяся на самом верхнем этаже, были выбраны весьма продуманно. Из окон, выходящих на три стороны, хорошо просматривались все подходы, а если уголовке вдруг захочется организовать облаву –

даже если они перекроют всю округу, – то всегда можно найти лазейку в здешнем хиросплетенье дворов, проулков, сквозных подъездов.

Безопасность жиганы ценили.

Но обычно о рейде чекистов они были осведомлены заранее, и на всех путях их возможного передвижения выставлялись дозоры – беспризорники за пару папирос готовы были исполнять любой наказ паханов. Подсобляли и бродяги, не помнящие родства, с этими расплата была иной – следовало уважить и поднести шкалик.

Огромный дом представлял собой сложнейший лабиринт с многочисленными переходами и тупиками, разобраться в котором мог только его давний обитатель. Следовало потрудиться, чтобы отыскать выход. На первом этаже у входа обычно отирались бродяги, снимая за копейку койку, – им в случае милицейской облавы полагалось создать толчею в переходах, чтобы жиганы успели выскочить через черный ход и раствориться незамеченными.

Кирьян с Егором вошли в дом, и скрипучие половицы тут же оповестили об их прибытии. Из ниоткуда, будто бы отделившись от стены, вышел домушник Илья Захаров. Малый незлобивый, вот только разве когда перепьет, может прибить за нелестное слово. Собственно, потому и отбывал бессрочную, пока наконец большевики не «разморозили» камчатскую каторгу.

Полтора года он добирался до Москвы, где прибил к крепкой маханше, содержательнице притона. На большие дела он уже не выходил, но не упускал случая, чтобы подстеречь в темном углу какого-нибудь залетного богатенького барина.

Собственно, тем и жил.

– Здравствуй, Кирьян Матвеевич, – произнес домушник, сняв с головы картуз. – Давненько тебя не было видно.

– Хм... Здравствуй, Илья... Муромец! Ха-ха-ха! Меня могло и совсем не быть. Большевички-то легки на расправу. Раз-два – и к стенке!

– Все готово? – по-деловому спросил Егор Копыто.

– А то! – всерьез обиделся домушник. – Такого гостя привечаем – и не быть готовым! Нам уже сообщили. Я пришел, чтобы у дверей тебя встретить.

– Ну спасибо, брат, уважил! – дружески хлопнул Кирьян домушника по плечу. – Пошли!

Вошли в длинный коридор, по обе стороны – комнаты, за которыми шла незатейливая жизнь. Из-за ближайшей приоткрытой двери раздавался тонкий девичий смех, подхваченный мужским гоготом. В конце коридора раздавались громкие проклятия, вслед за которыми послышался звон разбитой посуды. Но в драку никто не встречал – не детвора, разберутся сами.

Миновали первый этаж, поднявшись на второй, остановились перед угловой комнатой. Илья Захаров весело подмигнул, после чего решительно распахнул дверь.

– Девки, сбегайтесь в кучу! Вы посмотрите, какого молодца я вам привел!

Перешагнув порог, Кирьян невольно зажмурился – свет от лампы, над которой неприглядными лоскутами продолжал висеть абажур, немилосердно бил по глазам и не позволял рассмотреть находящихся в комнате. Только возбужденный гул мужских и женских голосов давал понять, что в комнате ему рады.

– Сам Фартовый пожаловал!

– Кирьян! Какими судьбами!

– Мы думали, что тебя уже шлепнули.

– Не говори так. Кирьян еще всех нас переживет, – очень серьезно высказался Илья.

Привыкнув к яркому свету, Кирьян вошел в комнату. Здесь было дымно и шумно. Поделившись на два стола, жиганы резались в буру. Позабыв на время про раскинутые карты, жиганы поднялись навстречу Кирьяну. Его хлопали по плечам, говорили теплые слова, а он отвечал тем же и был очень рад, что оказался в знакомой компании.

– Может, в стирки с нами перекинешься? Такой человек, как ты, с пустым лопатником не ходит.

– Как-нибудь в следующий раз. Тесновато у вас, – пытался отговориться Кирьян, заприметив в дальнем конце комнаты молодую ляльку.

– Мы для тебя всегда место найдем, – не сдавался жиган по прозвищу Валет – невысокий и юркий, как юла.

– Человеку с дороги как следует отдохнуть нужно, а ты за карты, – услышал Курахин за спиной знакомый голос. – Вот если бы маруху какую подогнал, тогда другое дело.

Кирьян повернулся. Навстречу ему, раскинув руки для объятий, вышел коренастый человек лет тридцати.

– Кузя?! – удивленно выдохнул жиган. – Кого я не ожидал здесь увидеть, так это тебя!

Обнялись. Дружески похлопали друг друга по спинам.

– А ты думаешь, что только ты один девочек любишь?

* * *

Кирьян был знаком с Кузей еще по сибирской каторге. Кузя происходил из потомственных каторжан, каких в Южной Сибири всегда было много. На эти отдаленные территории на протяжении двух столетий ссылали своевольный люд, который сумел выработать свои нормы поведения. Именно в этих местах выкристаллизовывались такие характеры, какие нечасто можно встретить в городах. Поэтому, оказываясь в городе, такие люди становились паханами, сколачивая вокруг себя столь же беспашашных, как и они сами. Оттого их опасались и уважали, зная, что данное им слово следует держать, а слово «товарищ» для них значило несколько больше, чем обычно. В первую очередь «товарищ» – это человек, которому доверяешь и знаешь, что он не подведет; если надумаешь подаваться к «зеленому прокурору», не сдаст надзирателям и на равных вынесет с тобой тяжкую ношу; это – человек, с которым ты и сам обязан делиться последним.

Кузя с малолетства был карманником, а повзрослев, неожиданно проявил страсть к электротехнике, столь не свойственную его кругу. Всюду, где бы он ни находился, стремился раздобыть литературу по электричеству, проявляя невероятное усердие в учении. Скоро он настолько поднаторел в электротехнике, что его стали приглашать разбираться с электричеством как в государственные, так и в частные дома. Электричество тогда являлось редкостью, на которую могли раскошиться только самые зажиточные граждане. В этом-то и был весь секрет его промысла. Где-нибудь через полгода, когда удобства цивилизации окончательно стирали воспоминания о толковом электрике, Кузя проникал в квартиру и без особых проблем выносил из нее все самое ценное.

Кузю жиганы любили.

Его ремесло было новое, во многом непонятное и приносило немалый приработок. А кроме того, по широте душевной он щедро делился награбленным.

Порой казалось, что в квартиру он проникал ради собственного удовольствия да еще из-за молодецкого куража.

* * *

– Здравствуй, дорогой мой друг! – мял Кузя в могучих руках плечи Кирьяна. – Я-то все «Вечерние известия Московского Совета» читаю...

– Там, где списки расстрелянных? – догадался Кирьян.

– Во-во! А там тебя нет. Значит, живой, думаю. А тут ты появляешься собственной персоной. Как же тебе удалось слинять?

В углу, покуривая папиросы, сидели три женщины. Самой старшей из них, маханше, было лет сорок, звали ее Варвара Степановна, именно она держала блатхату. В прежние вре-

мена она была маруха известного «ивана», сгинувшего где-то на Байкале. Однако девка не растерялась и после года одиночества завела собственное дело – привела с десяток девочек, которых, используя почасовой тариф, сдавала жиганам. Девки были деревенскими, ядреными, взращенными на молоке и масле, а потому пользовались немалым спросом, что позволяло числиться Варваре в зажиточных дамах.

Маханша и сама не была лишена очарования – пышные формы и блеск в глазах находили не одного почитателя. Имелся в этом некий жиганский шик – попользовать хозяйку притона.

Две другие были значительно моложе маханши, одной из них было лет двадцать пять, другой – от силы восемнадцать. Первая была очень грудастой, милое личико портили разве что пухлые, ярко накрашенные губы. В ее пристальном взгляде чувствовался опыт, да и внешне она была далеко не майский цвет – кожа на скулах слегка обветшала, покрывшись мелкими морщинками, и потеряла упругость, свойственную молодости. Другая совсем юная. Эдакий невинный птенчик, выпорхнувший из родительского гнезда. Плечи угловатые, худенькие, между пальцев зажата наполовину выкуренная папироса, и тонкий дымок кривой танцующей струйкой поднимался к потолку, где и рассеивался.

Но смотрела барышня зорко, будто опасалась какого-то подвоха.

Кирьян подошел к девушке.

– Как зовут тебя, крошка?

Растерянно улыбнувшись, барышня пискнула:

– Люся.

Чем-то эта девочка напомнила Фартовому Дарью.

– Узнаю Кирьяна, – воскликнул Кузя, – не успел порог переступить, как тотчас крало охмурил. Мы тут копытами бьем, в грудь себя кулаками стучим, пытаемся девку за занавесочку затащить, а ему стоило войти, как девка сдалась. Кирьян, давай сначала с нами за встречу выпей. Эй, Степановна! Гони первач!

– Первач денег стоит.

– Не поскуплюсь, Степановна! Такой гость!

– Не надо, жиганы, – великодушно высказался Кирьян. – Я вас сам угощаю. Сегодня день у меня удачный. Вот тебе за постой, Степановна, – бросил он на стол пяток золотых монет. – Тащи все, что у тебя есть.

– Принесу, милые, здесь и на закусь хорошую хватит. – Варвара проворно смахнула со стола монеты.

Через минуту на белой скатерти стояла бутыл с первачом, мелко нарезанная селедочка с репчатым луком, икорка, насыпанная горкой в глубокую тарелку.

Все, как полагается!

– А барышня пить будет? – кивнул Кирьян на Люсю.

– Она у нас не пьет, – сердито сказала маханша. – Вот разве только наливочку.

Разлили самогон в стаканы.

– Ладно, будем живы!

Длинные пальцы Кирьяна обвили граненый стакан с мутноватым самогоном.

– По нынешним временам это не так уж и плохо.

Выпив горькую, жиганы от души крикнули. Сдержанно похвалили хозяйку за хлопоты и весело заработали челюстями, поедая выставленный на стол харч.

– Что дальше думаешь делать? – спросил Кузя.

– Не переживай, сидеть долго без дела не стану. Отдышусь немного и на дело. Вкусная жратина хороших денег требует, – посмотрел Фартовый на Варвару Степановну. – Ведь не в кредит же хавать, хозяйка-то заругает.

Разрумянившись от наливочки, маханша с нежностью посматривала на Кирьяна. Достаточно только дать бабе повод, и может завязаться трогательный роман, который обещает про-

длиться целую ночь. Людмила сидела рядом и крохотными глотками потягивала наливку. Юное неискушенное существо, по воле случая оказавшееся на блатной хате. А ведь только за одно знакомство с жиганами ее могут упрятать на кичу.

– Женщина она с пониманием, шибко ругаться не станет.

– Ты что-то хотел предложить?

Егор Копыто сидел рядом и, увлеченный трапезой, в разговор не вступал.

– Есть кое-что интересное, – неопределенно протянул Кузя.

– Давай колись, обмозгуем!

– Хорошо, – после некоторого колебания сдался Кузя. – У меня один человечек есть на примете, очень толковый! Голова варит, как у тебя!

– Спасибо за комплимент. Только я ведь не барышня, давай к делу!

– Ну так вот... Он предлагает взять ювелирный магазин на Дмитровке.

– Это тот, что на углу? – не скрыл своего удивления Курахин.

– Он самый, – широко улыбнулся Кузя.

Кирьян негромко рассмеялся:

– Мне казалось, что я один такой сумасшедший, а, оказывается, в Москве нас трое таких набирается... Вместе с тобой. Замки на дверях видел?

– Не слепой.

– Ты же знаешь, что к нему не подойти!

– Это как сказать.

– Магазин этот не хуже Кремля охраняется. И не забывай, если шухер поднимется, так менты через минуту на точку прибегут!

– Знаю, их отделение как раз за углом.

– Так что же ты хочешь?

Прохладная девичья рука легла ему на колено. Кирьян почувствовал, что его обожгло от неожиданного прикосновения. Тепло мгновенно распространилось по всему телу, быстро достигло грудной клетки, и теперь пожар грозил сжечь его изнутри. Экое будет зрелище, только дымок пойдет!

Фартовый невольно сглотнул слюну, потом перевел взгляд на девушку. В зрачках плутоватый огонек – а она не такая уж и невинная, как кажется.

– Не горячитесь, вам это не идет, – мило улыбнулась Люся.

– Хм... А что, по-твоему, мне может подойти, детка? – с интересом посмотрел на девушку Кирьян.

– Любовь.

Жиганы, сидевшие за столом, дружно рассмеялись. Даже Егор Копыто.

– После того, что со мной произошло, барышня, мне только любви не хватает. Знаешь, не везет мне с бабами!

– Это потому, что женщины, с которыми вы встречались, вас не любили. А вот когда вы повстречаете такую, которая отдаст вам себя всю, то поймете, что любовь – это главное.

– Уж не про себя ли ты говоришь?

Чуть застенчивая улыбка, за которой последовал немедленный ответ:

– Вовсе нет. Просто я немного колдунья и умею заглядывать в будущее.

– Хм... А ты и вправду странная девка... Не каждый день такие разговоры на воровской малине услышишь. Не удивлюсь, если ты мне скажешь, что еще и стишками балуешься. Откуда такое чудо? – повернулся Кирьян к маханше.

– Это моя племянница, – с некоторой гордостью сообщила Варвара Степановна.

– Ах, вот оно как.

– Она ведь еще и гимназию закончила. Был бы жив ее отец, так вряд ли сидела б с нами.

– По-твоему, для твоей племянницы мы плохая компания? – сурово спросил Егор Копыто.

Курахин проглотил еще один спазм, пережавший горло, – девичьи пальчики скользнули внутрь бедра, кажется, барышня знала, как нужно доставлять удовольствие.

– Хорош базарить! И девку не трогать! – обвел Кирьян собравшихся жиганов долгим взглядом. – Она теперь со мной. Может, кто иначе думает?

– Кто же это с тобой спорить будет? – усмехнулся Кузя.

– А может, все-таки в картишки! – навязчиво подступил Гаврила.

– Да нагрей ты его, Кирьян, – посоветовал Кузя, – а то он никак не угомонится!

Кирьян невольно хмыкнул:

– Ну давай раскинем, если денег не жалко.

– Так во что будем играть?

– В буру! Предупреждаю сразу: играю один кон.

Глаза Гаврилы блеснули азартом:

– Хорошо. – Распечатав новую колоду, он спросил: – Почему?

– Полтора миллиона.

– Годится!

Раскинул по три карты. На козырь выпали крести. Хорошая масть, воровская. Кирьян поднял карты. Еще один шанс проверить судьбу.

– А знаешь, у меня бура, – швырнул он на стол карты.

Валет, десятка и туз. Весьма приличный расклад.

Жиганы довольно заулыбались.

– Любят карты Кирьяна!

– На то он и Фартовый!

– У меня нет сейчас столько денег, – потупившись, сказал Гаврила.

– Ничего, потом отдашь, – снисходительно «иван», дружески хлопнув жигана по плечу. – Все, хватит! Мне кажется, что этот день никогда не закончится.

Перехватив узкую девичью ладонь, он слегка сжал ее. Пальчики были совсем тонкие, будто бы спички. Тисни их покрепче, так они и затрещат! Поднявшись из-за стола, он потянул за собой Люсю. Девушка последовала за ним покорно.

– Степановна, ты постелила гостю? – спросил Фартовый.

– Постелила, Кирьян, в соседней комнате... Давай я тебя провожу! – кокетливо поправила Варвара прическу.

– Не надо, – отрезал жиган. – Меня твоя племянница проводит.

– Ну как скажешь, дорогой гость, – натянуто улыбнулась маханша.

Взяв со стола бутылку с остатками самогона, Кирьян сказал:

– Я с племянницей твоей за твои здоровьице выпью.

Приобняв Людмилу за талию, Фартовый вышел из комнаты под одобрительные окрики жиганов.

Глава 8

ИЗЛОВИТЬ В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ

Прошло уже полгода, как Игнат Трофимович Сарычев возглавил Московскую чрезвычайную комиссию. По большому счету, в его судьбе практически ничего не изменилось – заниматься приходилось тем же самым, что и в Питере, а именно: вылавливать уркачей и жиганов, чей преступный разгул по стране приравнялся к национальной трагедии; гасить всякий политический сброд, мнивший себя революционерами; разбираться с уголовниками всех мастей и просто хапугами, вознамерившимися погреть руки во время революционного пожара.

Больше всех хлопот доставляли жиганы. Они работали по-крупному, старались не размениваться на мелочовку – дня не проходило, чтобы налетчики не ограбили какую-нибудь фабрику или завод.

Но вместе с политической анархией и обычной мелкой уголовщиной, которой всегда было предостаточно, по Подмоскovie прокатилась волна каких-то невиданных, непонятных зверств – вырезались целые семьи! Так, например, с месяц назад в Медведкове была зарублена семья из десяти человек. В глаза бросалась одна странность – мокрушникам каким-то образом удалось связать все семейство, усадить их на пол, а потом по очереди зарубить топором. Причем никто из убитых так и не оказал сопротивления, а ведь четверо из них были молодыми крепкими мужчинами, способными постоять за себя.

Умерщвляли людей из-за вороха тряпья, из-за горсточки бижутерии. И с этими душегубствами тоже надо было разбираться.

Вспомнив этот случай, Сарычев разнервничался. Заложив руки за спину, прошелся по кабинету, остановился у окна. Затем тяжело опустился на стул. Сарычеву хотелось выглядеть спокойным, но получалось плохо. Зайди сейчас кто-нибудь из сотрудников в кабинет, так непременно обратил бы внимание на его тревожность.

Открыв портсигар, он вытащил папиросу, хотел было закурить, но, собрав всю волю, сунул портсигар в дальний ящик стола. Если надумал бросать, так надо делать это сразу, а не держать на столе красивую вещь с душистыми соблазнами!

Дело в Медведкове выглядело бесперспективным. Несмотря на все потраченные усилия, не было даже каких-то существенных зацепок, что могли бы пролить свет на трагедию.

Похожая история произошла полмесяца назад близ Шереметьева – там тоже была вырезана большая семья из двенадцати человек. И опять никто из присутствующих не оказал никакого сопротивления. Выехав на место убийства, Сарычев подробно расспросил соседей, которые в один голос утверждали, что накануне видели трех незнакомых мужчин и женщину. Самое странное заключалось в том, что на одном из мужчин была кожаная куртка, а другой был одет в длинную красноармейскую шинель. Обычно так одеваются работники соответствующих органов, а следовательно, нужно было негласно проверить каждого из сотрудников, кто где был в эти дни.

Так что работы предстояло много.

Убийства очень смахивали на то, что Сарычев раскрывал в прошлом году под Питером. Тогда там свирепствовала банда некоего Тараса Культияпого, который отличался необыкновенной жестокостью. Представляясь сотрудником милиции, он обухом топора лично убивал каждого. После чего выкладывал трупы веером в центре комнаты. Когда душегуб все-таки был изловлен, то на вопрос, почему он так раскладывал покойников, ответил с незатейливой улыбкой:

– Красиво!

Попробуй докопайся тут до темных глубин человеческой души.

Возможно, что сейчас какой-нибудь второй Культяпый шастает по подмосковным деревням и селам, чтобы удовлетворить собственные представления об эстетике.

Позавчера троица, схожая с описаниями свидетелей, появилась в Домодедове. Сарычев лично выехал в этот район, но эти люди скрылись буквально за час до появления оперативной группы. Прочесывали местность двенадцать часов, пока не обнаружили землянку, а в ней окровавленную шинель. Оставался открытым вопрос – те ли самые это преступники или появилась какая-то другая группа. И откуда взялась кровь на шинели, причем в таком большом количестве? Ведь убийства в районе не зафиксировано. А если это так, то убит мог быть кто-нибудь из преступной троицы. Например, во время ссоры. Не исключено, что причиной раздора могла быть женщина, находящаяся в банде. В тесном коллективе подобное происходит очень часто. Когда двоим хорошо, то третьему бывает плохо.

Но в таком случае где спрятан труп?

От подобных невеселых мыслей у Сарычева начинало покалывать в висках.

В последние несколько недель активизировалась банда Егора Копыто. Сколоченная из остатков банды Курахина и других разрозненных группировок, она представляла собой весьма влиятельную силу. Неделю назад одному из агентов Сарычева, бывшему матросу Балтийского флота, Алексею Серякову, удалось нащупать след банды и даже установить, где она в основном базируется. Но в установленный срок Серяков не вышел на связь. А еще через неделю труп Алексея нашли в Яузе. Как было установлено экспертизой, в реку он был брошен уже мертвым. Судя по одежде, на которой нашли следы глины, убит он был где-то в другом месте. Не исключено, что около того самого трактира, где выслеживал Копыто. Но очевидцев преступления не обнаружили, а хозяин заведения и половые только разводили руками и в один голос утверждали, что заведение оперативник покинул живым и здоровым.

Неожиданно дверь распахнулась, и, поздоровавшись, в кабинет прошел Петерс.

Высокий, долговязый, с длинными волосами, он напоминал расстригу-семинариста. Однако впечатление это было обманчивым. В действительности молодой человек обладал немалой волей и большой властью, которыми умел распоряжаться весьма эффективно.

Сарычев пожал тонкую руку Петерса. Пожатие у того было вялым, словно все силы ушли на политическую борьбу.

Яков Христофорович устроился на кожаном черном диване и указал Сарычеву на свободный стул, будто он являлся хозяином кабинета.

– Кажется, вы занимались бандой Курахина?

– Точно так, Яков Христофорович. По заданию Феликса Эдмундовича я был внедрен в банду, после чего мы взяли как самого Кирияна Курахина, так и его основных сообщников. Ядро банды было уничтожено...

– Но ведь были уничтожены не все?

– К сожалению, да. Банда у Курахина была очень многочисленной, насчитывала около сотни человек. Но наиболее активные жиганы были изловлены и расстреляны...

– Сколько примерно человек уцелело? – перебил Петерс.

– Около шестидесяти.

– И как вы думаете, что они намерены делать в дальнейшем? Встанут на путь исправления?

Его мягкий прибалтийский акцент отчего-то раздражал. Может, потому, что где-то в глубине души Игнат недолюбливал Петерса, считая его чужаком, но старался не показывать этих своих чувств даже взглядом.

– Жиганы такой народ, который вряд ли когда-нибудь встанет на путь исправления. Скорее всего они просто примкнут к другим бандам.

– Я слышал о том, что среди налетчиков люди Кирияна пользуются большим спросом.

– Так оно и есть. Их с радостью берут в любую банду. Как бы мы ни относились к уголовникам, но Курахин был личностью выдающейся. Он умел влиять на людей, пользовался непререкаемым авторитетом, и бандиты его слушались.

– Так вот я хочу вам сообщить, что этой выдающейся личности удалось бежать на станции Ховрино.

– Каким образом? – ахнул Сарычев. – Ведь он же был отправлен в Питер под усиленной охраной.

– Его отбила банда численностью около тридцати человек. Все налетчики были очень хорошо вооружены. Действовали нагло, с устрашением. Видите, поезд даже не отъехал далеко от Москвы.

– Значит, Кирьян скрывается где-то в городе?

– Ему удалось просочиться через заставы, и сейчас он находится в Москве. Так вот мы тут посоветовались и решили поручить дело по поимке Кирьяна и его банды именно вам. В конце концов у вас есть, так сказать, некоторый опыт общения с ним. Вы знаете его, так сказать, «почерк», можете предугадать его поведение. В общем, лучше, чем вы, никто из наших людей его не знает. Так вы готовы?

В этот раз прибалтийский акцент был особенно замечен.

– Готов, Яков Христофорович.

– Но предупреждаю, изловить его вы должны в кратчайшие сроки. На сегодняшний день это одно из самых главных дел. Кирьян – преступник номер один. И с ним, и с его бандой вы должны действовать решительно и предельно жестко! – Петерс слегка стукнул кулаком по столу. – Только так можно достигнуть результатов. Бандиты обнаглели и ведут себя хуже всякой контры. И поступать мы с ними должны по закону революционного времени. Вы согласны со мной?

– Согласен, Яков Христофорович.

– Хочу предупредить, в его деле имеется много непонятных моментов.

– На что мне следует обратить внимание особо? – заинтересованно спросил Сарычев.

– Мы бы хотели, чтобы вы выяснили, каким это образом налетчикам всякий раз удается осуществлять свои набеги на поезда именно на этой станции и всякий раз уходить безнаказанно. У нас имеются серьезные основания полагать, что налет был осуществлен при сговоре с кем-то из руководства станции, возможно, даже с ее охраной. – Немного задумавшись, он добавил: – Во всяком случае, на момент налета ни милиции, ни охраны на станции не оказалось. Хотя им полагалось находиться там неотлучно... Милиция появилась только после того, как налетчики были уже вне зоны досягаемости.

– Потери есть?

Длинные волосы без конца сползали на выпуклый лоб председателя Ревтрибунала, явно мешая ему. Откинув их рукой, он продолжал, слегка растягивая слова:

– К сожалению, имеются. Погибло пятеро наших людей... Чекисты. Преданные партии люди. Кириллов, Елизаров и Сидорчук работали в московской Чека. Вы хорошо их знали?

– С Кирилловым и Елизаровым я едва успел познакомиться, но вот Сидорчука знал хорошо. В прошлом году он этапировал к нам в Питер уркача Воронкова. Тот еще был злодей! В Москве мы с Сидорчуком толком так и не поговорили, встречались все как-то наспех. Дел было много... Думали, выпадет немного свободного времени, поговорим как следует за жизнь. Вспомним. Кто бы мог подумать, что так получится.

– Это большая потеря для Чека. К сожалению, всего не предусмотреть. И еще вот я о чем хочу вас предупредить. У нас имеется кое-какая оперативная информация о том, что Курахин собирается с вами расправиться.

– А уж я как с ним желаю встретиться!

– Прошу отнестись к моему предупреждению весьма серьезно. Дело в том, что он уже расправился с Дарьей.

Пальцы Игната невольно сцепились в крепкий замок. Не уберег!

– Как это случилось?

– Она была задушена, – тихим сочувствующим голосом сообщил Петерс.

– Где?

– В своем доме. С ней был еще один наш сотрудник.

– Кто?

– Здесь история тоже не совсем понятная. Между ними, судя по всему, существовали какие-то близкие отношения. Мы решили провести более тщательное расследование и навели о погибшем справки. Выяснилось, что его прошлое не столь безупречно, как он нам сообщил.

– Он что-то скрывал?

– Да. Погибший даже отбывал срок на сибирской каторге.

– Политический?

– То-то и оно, что к политическим делам он не имеет никакого отношения. Самый обыкновенный грабеж! Вот такие люди к нам просачиваются, товарищ Сарычев. В ближайшее время нам нужно провести основательную чистку.

– Проведем, товарищ Петерс.

– Страна захлебнулась в терроре и насилии. Надо как-то сбить эту преступную волну.

– Понимаю, товарищ Петерс.

Яков Христофорович поднялся:

– Если понимаете, тогда работайте. Во дворе вас ждет машина, сейчас езжайте в Ховрино и разберитесь на месте. Держите меня в курсе всех дел.

Глава 9

ОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Станционный перрон был захламлен: валялись разбросанные газеты, какие-то мятые брюки, рваные вещи, перевернутые корзины и даже раздавленный патефон, заброшенный под лавку. Немного в стороне стояла телега со сломанной осью. По словам очевидцев, она принадлежала налетчикам и поломалась под тяжестью скарба. Не утруждая себя починкой, налетчики просто разбросали добро на остальные телеги и укатили в сторону Москвы.

У входа на вокзал, прикрытые несвежей простыней, лежали трупы расстрелянных.

– Это они? – посмотрел Сарычев на сопровождавшего его высокого парня в студенческой куртке. Он возглавлял уголовный розыск в Ховрине.

Высокий, слегка сутулый, в массивных очках, он выглядел очень нескладным.

– Да.

– Тебя как звать-то?

– Дмитрий.

Приподняв простыню, Сарычев посмотрел на неподвижные лица. С самого края лежал Сидорчук, и сейчас Сарычев смотрел только на него.

Вот оно как довелось встретиться, теперь уже не поговорить.

Накинув простыню на застывшие лица, он спросил:

– Очевидцы имеются?

– Вон они стоят, – махнул «студент» в сторону крыльца, где под присмотром трех красноармейцев с карабинами толпилось десятка полтора мужчин и женщин.

– А красноармейцев-то зачем приставили? Они арестованные, что ли? – укорил Сарычев.

Парень слегка смутился. Сразу было видно, что в органах он недавно, наверняка пришел работать в милицию, увлеченный революционной романтикой, едва отучившись пару курсов в университете. Какой-то месяц в милиции, а уже успел сделать карьеру. Если так пойдет и дальше, то через каких-то полтора года он попадет к Игнату в подчинение.

– Они хотели уйти... После собрать их всех вместе было бы очень трудно. Мы решили, чтобы они все рассказали лично вам.

– Снимем показания, запишем их адреса и отпустим с миром! Чего же людей наказывать, они и так пострадали.

Игнат подошел к разноликой толпе. В глазах задержанных он увидел откровенный испуг, в котором так и читалось: «Что еще такого можно ожидать от новой власти!»

Поделикатнее нужно обращаться. Вот так и плодим врагов, где не следовало бы.

Свидетелей нужно было расположить к себе, иначе разговора не получится. Игнат даже попытался улыбнуться, но улыбка как-то смялась – не самый подходящий случай для веселья. Досадно, но в ответ он не встретил ни одного открытого взгляда. Сарычев уже хотел было пригласить «студента», чтобы совместными усилиями как-то преодолеть нарастающее отчуждение, как вдруг прямо в лицо ему посмотрел невысокий плотный мужчина лет пятидесяти. В его глазах Сарычев усмотрел какую-то отчаянную решимость: «А, была не была!» По внешнему виду типичный интеллигент, даже в нынешнее время их немало курсирует из Москвы в Петербург.

Стараясь придать своему голосу как можно более доверительный тон, Сарычев спросил:

– Простите, как вас зовут?

– Михаил Петрович Сельвестров, учитель математики, – чуть приподнял мужчина фетровую шляпу.

– Очень приятно. Я – Сарычев, начальник Московской чрезвычайной комиссии... Михаил Петрович, в каком вагоне вы ехали?

– В том самом, в котором везли заключенного, товарищ Сарычев, – уверенно сказал дядька.

Сарычев слегка улыбнулся. Подобные люди обладают способностью приспосабливаться ко всему новому, даже слово «товарищ» было произнесено им без всякой запинки, словно бы он всю жизнь разговаривал на языке пролетариата.

– И что же там случилось?

– Ну-у... Все произошло так стремительно. Мы сначала ничего толком не поняли. Поезд ведь на этой станции останавливаться не должен, а тут вдруг застопорился, да так, что с верхних полок чемоданы посыпались. Мы даже не успели их поднять, как к нам в купе ввалилось несколько грабителей. Рожи вот такие! – образно показал он, надув щеки и расставив при этом ладони в стороны. – Глаза – во!.. Очень возбужденные. Гони, говорят, червонцы! Даем тебе минуту на размышление, и пистолетом мне в лоб! Вы видите царапину, товарищ? – ткнул он пальцем в красноватый след над левой бровью.

– Да, вижу.

– Как им возразишь? Я достал все ценности, какие у меня были, и отдал бандитам.

– А что вы им отдали?

Секундное замешательство. Учитель математики не так прост, как может показаться вначале.

– Ну-у... Сам-то я питерский... Здесь в Москве купил для жены золотой кулончик с серьгами, вот пришлось их и отдать. Часы у меня были швейцарские. Их они тоже забрали.

– Могли бы их узнать?

– Разумеется!

– Что было дальше?

– Потом в соседнем купе драка какая-то завязалась. Звонкий голос такой раздавался, все по нервам бил. Дай, говорит, ему по мордасам! А через минуту выстрел раздался. Вот только не знаю, убили кого или нет.

– Понятно. А что делал тот заключенный, которого освободили налетчики?

– Знаете, видеть-то я его видел, он в клетке сидел рядом с нами... Но вот что именно он делал – сказать не берусь. Не до того было, чтобы головой крутить. Честно говоря, оробел малость.

– Кто-нибудь может рассказать о случившемся? – шагнул Сарычев в толпу.

Настороженность понемногу сменилась любопытством. В глазах так и читалось: «С пониманием чекист, умеет слушать. Авось пронесет».

– Я могу рассказать, – строго произнесла крупная женщина лет сорока пяти.

– Что вы видели?

– Как поезд остановился, я-то сдуру на перрон вышла. Думала, может быть, остановка какая. Дай, думаю, огурчиков соленых в дорогу прикуплю, чтобы веселее ехать было. А тут налетчики понабежали и кричат, чтобы никто из купе не выходил. Один из них ко мне подскочил и сумочку из рук вырвал. А у меня там, между прочим, две николаевские золотые монеты лежали! – в негодовании воскликнула дама.

– Понимаю ваше отчаяние, сударыня. Вы его запомнили?

– Молодой был, но думаю, что узнала бы.

– Что было дальше?

– Войти обратно в вагон я не сумела. Они как коршуны влетели на подножки и по коридорам разбежались. Только брань из вагонов раздается. А потом милиционеров в кожаных куртках из вагона вывели. Вот такая, как у вас, будет... Только у вас пообтертая, а у них новые совсем. И тут вышел тот самый, о котором вы спрашиваете...

– Откуда вы знаете, что это был он? – перебил ее Сарычев.

– Так я видела, как его в Москве сажали, – удивленно сказала женщина. – На руках у него кандалы были, тяжелые такие. Я тогда еще подумала, убийца ведут! Как же это я с ним, иродом, в одном вагоне ехать буду? И видно, не зря переживала.

– Понятно, продолжайте.

– А тут он вышел на перрон, важный такой и без кандалов. Сразу видно, что он среди них за старшего был. И тут к нему милиционеров привели. Что они там говорили, сказать не берусь, далеко стояла. А только их лица как-то сразу переменялись. А тут еще антихрист один ко мне подскочил да как даст по шее прикладом! Чего, говорит, мать, стоишь? А ну марш в вагон! Ну я и пошла... Матерью назвал, а ведь ненамного меня младше, – в голосе женщины прозвучала самая настоящая обида. – А только когда я на подножку встала, тут и выстрел прозвучал. Глянула я назад, а там один из милиционеров уже на земле лежит. Только дернул разок ногами и затих.

Напряженность первых минут спала. Толпа понемногу стряхнула оцепенение. Заговорили все разом – негодуя, зло. Чекист оказался дядькой понимающим.

– Простите, а вы случайно не товарищ Сарычев будете? – учтиво спросил мужчина в дорогом добротном пальто.

– Он самый, милейший, вы что-то хотели добавить?

Дядька пожал плечами:

– Вряд ли я сумею добавить что-то нового. Налетчики заходили в купе, требовали деньги, а если что-то не так, так сразу по мордам! А только тот человек, про которого вы говорили, подошел ко мне и сказал, чтобы я передал привет Сарычеву от Кирияна. – Незнакомец замялся, было видно, что он чего-то недоговаривает.

– Что он еще сказал? – потребовал Игнат.

– Сказал, передай ему, что... В общем, вы бы поостереглись его. Убить он вас хочет.

– Понятно, – хмыкнул Сарычев. – Только для меня это не новость.

– Вы зря так относитесь, – укорил его мужчина. – Я за свою жизнь разных людей встречал и могу сказать вам с полной ответственностью, что это очень опасный тип. Вы бы его поостереглись!

– Спасибо за предупреждение. Но если встречу его где-то на узкой дороге... Убегать не стану!

– Кто-нибудь видел, как освобождали заключенного? – повернулся Сарычев к свидетелям.

– Я видел, – отозвался все-таки мужчина в пальто.

– Та-ак, что вы видели?

– К клетке подошел мужчина с саквояжем. Ну, знаете, какие обычно бывают у сельских врачей. Он и сам был очень похож на доктора, спокойный такой... Достал из саквояжа какие-то инструменты и, поковырявшись немного в замке, открыл его.

– Как выглядел этот мужчина? Высокий, низкий, крупный, мелкий?..

– Роста он был такого, – приподнял свидетель руку на уровень лба. – Среднего. Упитанный такой. Пальто на нем было хорошее, из дорогого драпа. А так вида простого, встретишь такого на улице и не обернешься.

– Узнать смогли бы?

Заметно поколебавшись, мужчина ответил:

– Думаю, что да.

– Вы хотели бы еще что-то добавить?

– Право, не знаю, стоит ли?

– Стоит, – уверил Сарычев.

– Когда чекисты на перрон спустились, то этот арестант, ну, что в поезде ехал...

– Понимаю.

- Велел одному из них «Яблочко» танцевать. Сказал, что, если не станцуешь, пристрелю.
- А тот что?
- Станцевал... Потом он велел другому плясать, а когда тот не согласился, застрелил его.
- Вот оно как... Вы нам очень помогли.
- Знаете, на улицу страшно выйти. Считаю своим долгом.

«Студент» отирался здесь же – негромко давал наставления круглолицему коротышке в матросском бушлате.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что морячок воспринимал новое начальство, как чужеродный социальный элемент. Держался с достоинством, выставив на обозрение тельник, будто сам отдавал распоряжения. Легкий кивок головы свидетельствовал о том, что он снизошел до «студента». На нижней, слегка оттопыренной губе обозначилась брезгливая морщинка: «Да такими чистоплюями все балтийское дно усыпано!»

Не так «студенту» следовало бы разговаривать с ними, а пожестче! Вежливое обращение такими типами воспринимается как неуверенность в себе и слабость.

Придется растолковать. Сарычев движением пальца поманил к себе «студента». Тот охотно повиновался.

- Тут вот какое дело... Только без обид, Дима, договорились?
- Разумеется.
- Какое твое происхождение?
- Из дворян, – стиснув зубы, выдавил «студент», как будто бы озвучил какую-то гадость.
- Оно и видно. Ты бы спрятал, что ли, свою студенческую тужурку. Надел бы что-нибудь другое, гимнастерку, например.
- Для чего?
- Какой ты непонятливый! Чтобы лишних вопросов не возникало! И забудь ты свое «будьте любезны»! Это тебе не университетский курс. Ты – начальник, а они – подчиненные. Ты меня хорошо понял?

«Студент» обиженно насупил. Значит, все-таки проняло.

- А как же товарищ Дзержинский?
- Что – «товарищ Дзержинский»? – озадаченно спросил Сарычев.
- Он ведь тоже из дворян.
- Чудак-человек! – искренне удивился Игнат. – Ты себя с Дзержинским-то не равняй! Ты еще не родился, а он уже в партии состоял. И не в обиду тебе будет сказано, характер-то у него покрепче твоего будет. Тебе приходилось встречаться с товарищем Дзержинским?

Дмитрий отрицательно покачал головой:

- Не доводилось.
- Ну вот видишь... А мне частенько. Он одними глазами уничтожить может!
- Кажется, я вас понял, товарищ Сарычев.
- Вот и хорошо. А теперь отпуская всех свидетелей, только не забудь их адреса переписать. Могут еще понадобиться. Да, еще вот что, позови мне этого плясуна.
- Этот плясун – начальник конвоя.
- Ах, вот оно как... Ладно, разберемся. Потом нанесем визит начальнику станции и спросим его напрямую: почему не было охраны?

Через несколько минут Дмитрий появился в сопровождении крепкого молодого мужчины с приятным располагающим лицом.

- Рубцов, – коротко представился подошедший.
- Фамилия показалась знакомой.
- Сарычев...
- Вы мой начальник, товарищ Сарычев. Я ведь тоже из московской Чека.
- Почему я вас не видел раньше?

– В Чека я всего лишь месяц, переведен из уголовного розыска. Но все это время, по личному распоряжению товарища Петерса, занимался этапированием заключенных в концентрационные лагеря для принудительных работ.

– Понятно... Значит, вы начальник конвоя?

– Да, – потупив взгляд, ответил Рубцов.

– Как же это так произошло?

– Сначала остановился поезд... Мы думали, что случились какие-то неполадки. Остановка-то незапланированная. А потом вдруг со всех сторон налетели бандиты. Повыбивали стекла, начали стрелять, ворвались в двери. Мы пытались отстреливаться, но это было бесполезно. Такая пальба поднялась, что голову невозможно было поднять! Все как-то внезапно произошло, – добавил он в свое оправдание.

Открытый взгляд, располагающее лицо. Все при нем! И вместе с тем здесь было что-то не так, чего-то не увязывалось. Но вот что именно – Сарычев понять не мог.

Первое впечатление непростое, как будто бы начальник конвоя чего-то недоговаривал.

– Сколько их было человек?

– Много! Думаю, что человек тридцать, а то и больше.

Рассмотрев тельняшку, проглядывающую у ворота через расстегнутую пуговицу, Игнат спросил:

– Где служили?

– На Балтике.

– Вот как. И я там же. На каком судне?

– Крейсер «Верный».

Сарычев кивнул:

– Знаю такой, кажется, там анархисты заправляли.

– Одна видимость, – отмахнулся морячок. – У нас была своя ячейка, большевистская!

– Кажется, все они погибли во время Кронштадтского мятежа.

– Не все, я же вот остался!

– На крейсере «Верный» командовал Петр Сергеевич Васильев, капитан второго ранга.

Бывший матрос обиженно надул губы:

– Вы меня проверяете, что ли? Командиром на нем был капитан первого ранга Эрнест Константинович Губерманн.

– Ладно, не обижайся, – улыбнувшись, перешел Сарычев на «ты», – работа у меня такая. Что там у тебя за разговор с Кирыном был?

– Какой еще у меня может быть разговор с бандитом? – насупился Рубцов.

– Ну что за народ! – всплеснул руками Сарычев. – Опять за обиду принимает. Ну хорошо, что тебе говорил Кирын?

– Наставил в лоб пистолет и говорит, если станцует «Яблочко», будешь жить, а нет, так пристрелю. Народу много было, слышали.

– А ты что?

– Видите, живой... Станцевал.

– Говорят, что неплохо станцевал.

– Беда в том, что по-другому я не умею. Я лучший танцор на флоте был. А вы бы на моем месте не станцевали?

– Может быть, и станцевал бы...

– Ну вот видите, – с заметным облегчением вздохнул Рубцов. – Сейчас я бы лежал вот здесь вместе с остальными... Кому от этого польза? А так еще революции послужу!

– Тоже верно. Так, значит, ты сейчас на Лубянку?

– Я там работаю, – чуть смутившись, отвечал Рубцов.

– Ладно, поговорим попозже.

– Как скажете, товарищ Сарычев.

Начальником станции оказался кругленький лысоватый человек средних лет с пышными рыжеватыми бакенбардами. В тужурке железнодорожника, расpiraемой большим животом, он выглядел очень официально. Было заметно, что он сильно волновался – короткие руки не находили себе покоя, они то взлетали вверх, а то вдруг успокаивались на животе, будто бы угнездившиеся птицы.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – спросил начальник станции, когда Игнат Сарычев уселся на стул, напротив него.

– Вовсе нет, – сдержанно заверил его Сарычев. – Я просто хочу узнать, почему так случилось.

– Поймите меня правильно, я не боюсь брать на себя ответственность, но я совершенно не знаю, почему так случилось!

– Давно вы здесь начальником станции?

– Всего лишь третий месяц. Я даже толком не успел вникнуть во все дела.

– Случались ли раньше ограбления поездов на этой станции?

– Бывало... Но все они происходили при других начальниках.

– Где вы лично находились во время ограбления?

– Ограбление произошло поздно вечером. Мой рабочий день уже закончился, и я пошел к семье.

– Но вместо вас ведь кто-то оставался?

– Должен был остаться дежурный, но он отлучился. – Немного помявшись, он добавил:

– Сказал, что у него заболела жена. Он пришел уже после ограбления.

– А кто должен охранять станцию?

– Отряд милиции.

– Почему же никого из милиционеров не было? Кажется, отряд милиции находится в вашем подчинении?

– Это не совсем так! Охрана мне не подчиняется. Хотят – придут, хотят – уйдут! Я просто не знаю, что с ними делать! Почти все они проживают здесь неподалеку. Однажды я им приказал охранять склады с мануфактурой, так они просто взяли и разошлись по каким-то своим делам. И что вы думаете? Склады были разграблены в эту же ночь! – воскликнул он с возмущением. – Знаете, им никто не указ. Просто партизанщина какая-то!

– Вы разговаривали с начальником отряда? Почему он не был в это время на месте?

– Разумеется, разговаривал! Он сказал, что у него было задание патрулировать дороги и что пришли они на станцию точно в назначенное время. А если я сомневаюсь, то могу звонить товарищу Дзержинскому!

– Вы давно на железной дороге?

Лицо начальника заметно размякло. Вопрос пришелся ему по душе.

– Всю жизнь. Дед мой был путейцем, отец путеец, и я путеец, чем очень горжусь. Так что порядок во мне заложен наследственностью. Если вы в чем-то меня подозреваете, так это напрасно. Вы просто не там ищите!

Сарычев поднялся:

– Спасибо, вы нам очень помогли.

Глава 10

ГРАЖДАНЕ, ЭТО – ОБЫСК!

Приближаясь к перрону, поезд трижды коротко прогудел и, дохнув клубом пара, остановился, тяжело лязгнув металлом. На платформу молодцевато сошло семь человек: трое было в матросских бушлатах, опоясанных пулеметными лентами, четверо – в кожаных куртках, у высокого, что шел чуть впереди остальных, по бедру легонько постукивала деревянная кобура с «маузером».

До недавнего времени железнодорожную станцию Бескудниково революционные вихри обходили стороной, и жители села всерьез рассчитывали пережить лихолетье. Но оно уверенно вошло в село и, поскрипывая сапогами, направилось в сторону кирпичного завода.

Немногие жители, встречавшиеся на пути вооруженных людей, сворачивали от греха подальше в близлежащие переулки. Все живое насторожилось, даже клубы черного дыма, густо валившие из труб кирпичного завода, как будто бы поиссаяли и теперь едва струились.

Среди чекистов выделялся мужчина высокого роста и крепкого телосложения. В правом уголке рта кокетливо заломлена дымящаяся папироска. Остановившись на миг, он что-то сказал своему приятелю, шедшему от него по правую руку, пыхнул дымком и вновь зашагал уверенной походкой.

У проходной кирпичного завода, смущенно кашлянув, навстречу надвигающейся группе вышел сторож Лаврентий Прокопич. На кирпичном заводе он проработал без малого тридцать лет, порядок любил, знал по имени каждого рабочего и о новой власти ведал только понаслышке. Собственно, в Бескудникове мало что изменилось. Село продолжало жить по старым порядкам, и заводом, как и пятнадцать лет назад, заправлял Иван Юдин, чей дед, выбившись из крепостных, основал на месте богатейших залежей глины этот кирпичный завод.

– Хозяин у себя? – сурово спросил высокий чекист, положив ладонь на «маузер».

Весьма красноречивый жест. Спорить не хотелось.

– Иван Тимофеевич Юдин?

– Он самый.

– У себя. Только по какой надобности вы к нему?

Сунув руку в карман, мужчина вытащил сложенную вчетверо бумагу, аккуратно развернул и, тряхнув ею перед лицом старика, сурово сообщил:

– Вот ордер на обыск. Открывай.

– Так ведь хозяин не разрешал, – не сдавался старик.

Дед явно развеселил чекиста. Широко улыбнувшись, тот весело поинтересовался:

– Дед, а ты что-нибудь слышал о московской Чека?

– Кое-что доводилось, милейший.

– Значит, только «кое-что»? – Взгляд чекиста мгновенно посуровел. – Вижу, что у вас в деревне совсем советской власти не признают. Придется здесь заново революцию совершать. – От благодушного настроения гостя не осталось и следа. – Дедуля, а может, ты хочешь, чтобы тобой «тройка» занялась? Ты о ней тоже ничего не слышал?

Старик поскреб щеку, заросшую густой седой щетиной, и смиреннейше попросил:

– Не надо... Милости прошу, товарищи, – широко распахнул он ворота перед властью.

– Вот так-то оно лучше будет, – довольно хмыкнул чекист, картинно поправив болтающийся у бедра «маузер», и уверенно шагнул на территорию завода. – Где здесь у вас контора будет?

– Дальше! – махнул сторож на большой дом с широким крыльцом. – Там всегда хозяева сидели. Царство им небесное... Да и нынешний тоже там.

– Прошу за мной, – повернулся высокий чекист к поотставшим товарищам. – Нам еще нужно успеть на доклад к товарищу Сарычеву.

Увидев людей в кожаных куртках, без стука вошедших в его кабинет, хозяин кирпичного завода поднялся из-за стола и, скрывая нешуточный испуг под маской холодной учтивости, вежливо спросил:

– Чем могу быть полезен, товарищи?

– У нас есть ордер на обыск, – тряхнул чекист заготовленной бумагой.

– Кхм... Вот оно как. Значит, не доверяют. Не ожидал! Ведь совсем недавно я имел беседу с Яковом Христофоровичем Петерсом, и он меня уверил... Не ожидал. – Хозяин выглядел заметно растерянным. – Разрешите взглянуть на ордер, товарищи, – шагнул он к чекистам.

Хозяин завода был еще не старый мужчина, не более пятидесяти пяти лет, интеллигентного вида, с аккуратно подстриженной бородкой. Добротный темно-серый костюм подчеркивал его худощавую фигуру. Было заметно, что своему внешнему виду он придавал немалое значение, на тощей шее красовалась кокетливая бабочка.

– Пожалуйста, – охотно протянул чекист бумагу с печатями.

– Однако, – осмотрел Юдин печати. Вернув ордер, спросил: – И что же вы у меня будете искать?

– Нам поступило сообщение, что вы храните у себя литературу контрреволюционного толка.

– Бог ты мой! – невольно ахнул Юдин. – Чего только не наговорят.

– Кроме того, нам стало известно, что у вас на заводе хранятся краденые вещи.

– Это какое-то недоразумение! – возмутился хозяин.

– Вот это мы и должны выяснить.

– Это какой-то кошмар!

– Мы понимаем, что к краденым вещам лично вы можете не иметь никакого отношения, но мы должны проверить факты, – равнодушным тоном продолжал чекист. – Не исключено, что в контрреволюционной деятельности замешан кто-то из вашего окружения.

– Голубчик, – почти взмолился Юдин, – этого просто не может быть. Каждого из своих работников я знаю лично. Мне известно не только как их зовут по имени и отчеству, но даже сколько детей у каждого из них и какого числа день их ангела. Причем каждому на день рождения я делаю подарок. Так что я знаю о своих рабочих больше, чем вы думаете.

– Советская власть не ошибается, товарищ, – сурово заверил его чекист. – Обыск мы проводим в интересах ваших же рабочих. А кому они доверяют – это у них еще спросить надо... Классовым врагам, которые сосут из них кровь, или родной рабоче-крестьянской милиции, сотрудникам, которые готовы положить за них свои жизни! Приступайте к обыску, товарищи!

– Это просто уму непостижимо! – всплеснул Юдин руками. – Знаете, мне бы не хотелось говорить об этом, не хочу хвастаться, но я ведь советскую власть встречал с большим энтузиазмом, а в трудные для нее годы даже давал деньги на издание большевистских газет. Я всегда помню о том, что и сам происхожу из крестьянской среды... Но никак не думал, что все это может так обернуться для меня. Да-а-с!

– Вы что-то имеете против советской власти? – насупился командир. – А может, в таком случае имеет смысл продолжить наш разговор где-нибудь в подвалах Лубянки? Знаете, у нас там очень много таких говорунов. И каждый при этом считает себя невинно пострадавшим.

– Делайте что хотите! – безнадежно махнул рукой хозяин.

– Ключи от сейфа, – протянул чекист ладонь.

– А это вам зачем? – удивился Юдин.

– Вы слышали про ограбление поезда бандой налетчиков, случившееся несколько дней назад?

– Что-то такое писали в газетах.

– Жиганами была похищена большая партия наличных денег. По нашим оперативным данным, эти деньги хранятся именно в вашем сейфе.

– Бог ты мой! Уверяю вас, в сейфе нет никаких денег... Только разве что зарплата рабочим. Как раз сегодня я собирался ее выдавать.

Чекист оставался непреклонным:

– Мы в этом должны убедиться лично.

– Возьмите.

Чекист взял ключ.

– Позовите, пожалуйста, понятых. В соседней комнате кто-нибудь есть?

– Да... – растерянно ответил хозяин. – Кассир... И еще бухгалтер.

– Пригласите их.

Директор тотчас удалился. Через минуту он вернулся в сопровождении женщины лет тридцати и пожилого мужчины. Взгляды у вошедших выглядели затравленными, пронизанными страхом.

– Вы знаете, зачем вас позвали?

– Да, – кивнула женщина.

– Догадываюсь, – ответил старик, стараясь не встречаться с чекистом взглядом.

– Теперь давайте откроем сейф и посмотрим, что в нем лежит. Товарищи понятые, прошу подойти поближе.

Боязливо покосившись на высокого чекиста, первым к сейфу шагнул старик, а уже затем женщина, так же опасливо, – в расширенных глазах любопытство и страх, и трудно сказать, чего именно присутствовало больше. Сейф располагался за спиной хозяина и занимал едва ли не половину стены. Вставив ключ в замочную скважину, чекист дважды повернул его, после чего потянул на себя дверцу. Она легко распахнулась.

На полках, перетянутые обыкновенным шпагатом, лежали пачки денег.

– Взгляните, товарищи, – повернулся высокий чекист к понятым, мгновенно посуровев: – Что вы видите в сейфе?

– Деньги, – боязливо выговорила женщина, виновато улыбнувшись.

– Деньги придется изъять как вещественное доказательство, – тоном, не терпящим возражений, проговорил чекист.

– Позвольте! – возмутился хозяин. – К ограблению эти деньги не имеют никакого отношения. Я их получил вчера вечером в Московском коммерческом банке! Можете позвонить директору и выяснить.

– Выясним... Но сейчас мы должны изъять деньги до соответствующего распоряжения. Прошу приступить, товарищи, – распорядился он, посмотрев на чекистов, застывших с мешками в руках. – А ты запротоколируй изъятое, – указал он на коротко стриженного милиционера. – Для нас самое главное – социалистическая законность.

К сейфу подошли два чекиста. Чтобы не мешать друг другу, они заняли места по обе стороны от сейфа и ленивыми, размеренными движениями принялись швырять пачки денег в расправленный мешок. Никакой нервозности или торопливости – движения привычные, размеренные, едва ли не доведенные до автоматизма. Глядя на них, охотно верилось, что подобную процедуру они выполняют изо дня в день, а потому она им изрядно наскучила. На какое-то время в комнате установилась тишина, зрелище притягивало: не часто приходится видеть столь огромные суммы и тем более наблюдать за тем, как они перетекают из одного кармана в другой.

Стриженный чекист, удобно устроившись за столом, принялся считать пачки.

Юдин нервно сглотнул.

– Это произвол. Я буду жаловаться.

– Это ваше право, – охотно согласился белобрысый чекист. – Можете жаловаться товарищу Дзержинскому.

Холщовый мешок, по мере наполнения его пачками денег, все более тяжелеет, приобретая угловато-неровную поверхность. Один из чекистов даже слегка приподнял его, пробуя на вес, и по тому, как дрогнула его рука, можно было судить, насколько он тяжел.

– Товарищ Зарипов, – повернулся высокий чекист к невысокому парню лет двадцати пяти. – Возьмите двух товарищей и проверьте остальные помещения. Улики могут быть спрятаны и там.

– Есть, – развернувшись, милиционер вышел.

– Объясните, наконец, что вы ищете на моем заводе?! – подступил Иван Тимофеевич.

– Прошу вас отойти в сторону! – Рука белобрысого предостерегающе юркнула в карман. Ссутулившись, хозяин отступил в угол комнаты.

Сейф опустел наполовину. Виднелась крашеная темно-коричневая стенка, а в углу лежала небольшая металлическая коробка, в которой обычно хранится табак.

– Что это такое? – спросил чекист у хозяина, показав на металлическую коробку.

Губы хозяина беспомощно дрогнули. Растерянность продолжалась недолго, неглубоко вздохнув, он проговорил удивительно спокойным голосом:

– Я не знаю, что здесь находится.

– Так это ваш сейф?

– Мой.

– А что находится в этой металлической коробке, вы не знаете?

– Получается, что так.

– Товарищи понятия, прошу подойти сюда и посмотреть, что находится в этой металлической коробке.

Кашлянув в кулак, старик сделал несколько робких шагов и приблизился вплотную. Женщина тоже подошла и принялась наблюдать за происходящим из-за его плеча.

Взяв в руки коробку, чекист одобрительно крикнул:

– Ого какая!

Внутри по жести что-то тяжеловесно шаркало. Понятые настороженно замерли, присмирели и чекисты, находящиеся в комнате. Даже муха, что бесшабашно билась в окно, и та вдруг успокоилась, словно прочувствовала предстоящим моментом.

Высокий чекист обратил внимание на то, что женщина даже слегка приподнялась на цыпочки, стараясь повнимательнее рассмотреть содержимое коробки.

– Да что же они, в конце концов, делают-то?! – неожиданно вскричал хозяин кабинета, метнувшись к окну. – А диван-то в чем провинился? Почему они его тащат?! Неужели он тоже имеет какое-то отношение к недавнему ограблению или к каким-нибудь политическим диверсиям?!

Присутствующие невольно посмотрели в окно. Двое чекистов, прогибаясь под тяжестью, несли через двор большой кожаный диван. О чем они разговаривали, слышно не было, но по улыбкам, что гуляли на их лицах, было понятно, что уловом они остались довольны.

– Прошу минуту внимания. – Чекист с усилием открыл крышку. – Крепко сидит, зараза! Понятые невольно ахнули.

– Ничего себе, – крикнул чекист.

– Что вы здесь видите?

– Золотые царские червонцы, – глухо сказал бухгалтер.

– Золото, – подтвердила женщина.

– Так вот я вам хочу сказать, – голос чекиста значительно посуровел, – из поезда пропали червонцы николаевской чеканки, которые перевозил наш сотрудник. Сам он был убит, а вот

золото было похищено. Гаврила! – обратился он к сотруднику, сидевшему за столом и проводившему опись изъятых денег. – Сосчитай, сколько здесь червонцев.

Чекист аккуратно поставил коробку с монетами на стол.

– Сделаю, – охотно кивнул Гаврила.

– Можете не пересчитывать, – подал голос Юдин. – Там сто пятьдесят девять монет. Приберегал для себя, на черный день, мало ли... Но кто мог знать, что все это вот так выйдет.

– Берегли, значит, для того, чтобы за кордон удрать? Да мы вас, контру, давили и дальше давить будем! – жестко пообещал высокий чекист. – Пора вам освободиться от буржуазных излишеств. Золотые монеты тоже придется изъять, я вам напишу расписку.

– Я буду жаловаться.

– Это ваше право. Гаврила, дай листок бумаги.

Присев, руководитель группы написал несколько строчек.

– По вашему делу следует обращаться к товарищу Сарычеву. Он лично распорядился об обыске. Если у вас имеются какие-то претензии на наши действия, то меня вы можете отыскать на Лубянке. Мой кабинет как раз напротив кабинета товарища Сарычева. Так что милости прошу, как говорится, рад буду встрече, а по этой бумаге вы можете получить изъятые вещественные доказательства.

Чекисты продолжали укладывать в мешки пачки денег. Иногда их сосредоточенная работа прерывалась требовательным голосом Гаврилы:

– Егор, которая пачка-то?

И, получив немедленный ответ, он обращался к понятым, стоявшим в центре комнаты:

– Вы считаете? А то не будет хватать пяти рублей, так товарищ хозяин жаловаться на нас станет.

Шесть последних пачек в мешке не уместились. Распихав их по карманам, начальник строго предупредил:

– Гаврила, не забудь запротоколировать и эти пачки. Все должно быть по закону!

– Запротоколирую. А они не выпадут из карманов-то?

– Буду осмотрителен.

Придвинув листок бумаги к понятым, высокий чекист попросил:

– Понятые, подойдите сюда. Распишитесь.

Первым подошел старик. Черкнув закорючку, он отошел в сторону.

– Теперь прошу вас. Пересчитывать будете?

– Я новой власти доверяю, – ответила женщина и, размашисто расписавшись, бочком отодвинулась к двери.

– Товарищи понятые, вы можете идти. Спасибо за вашу революционную сознательность и за готовность помочь советской власти, – поблагодарил чекист.

Упрашивать не пришлось. Протиснувшись между стоящими чекистами, понятые выскользнули в коридор.

– А с вами, товарищ хозяин завода, у нас будет более обстоятельный разговор. Так что прошу вас послезавтра к двенадцати часам на Лубянку.

– Это вы меня официально приглашаете? – ахнул Иван Тимофеевич.

– Разумеется, вот повестка, – протянул чекист листок бумаги, на котором было написано число и время.

Юдин осторожно взял бумагу.

– Господи боже мой, этого еще не хватало!

Начальник группы, выглянув в коридор, громко позвал:

– Антип, давай сюда! И Николая не забудь прихватить. У нас тут два мешка вещественных доказательств, дотащить нужно.

* * *

Горловину у мешков с деньгами завязали веревкой и, взвалив мешки на спины, потащили за территорию завода. Только когда уже отошли на значительное расстояние, Кирьян посмотрел на коптящие трубы и усмехнулся:

- А ведь хотел этого бухгалтера замочить.
- Ладно, бог миловал.
- Старикашка крепко держался, не выдал. За такое содействие ему и денег можно дать.
- Пусть спасибо скажет, что живым остался.

Егор Копыто, подбросив на плечах мешок, заметил:

- А ведь сторож чего-то почувствовал! Мог бы настоящих легавых пригласить.
- Кто на шухере стоял? – спросил Кирьян, посуровев.
- Я, – отозвался Антип.
- Где я тебе велел быть?

Не ожидая грозы, тот продолжал улыбаться. День удался, сейчас могут простить и не такое. Поклажа столь тяжела, что ее едва тащили, а если деньгами распорядиться с умом, так можно с полгода жить всласть. Но Кирьян не из таких, чтобы долго отдыхать, отдышится, да и опять на дело пойдет.

- У ворот.
- А ты где был?
- Я на территорию зашел, там обыск проходил, как-то не хотелось от других отставать.
- А если бы в самом деле чекисты нагрянули, тогда что? – сурово спросил Кирьян.

Сегодня не тот случай, чтобы давить, хотя в прежние времена за такое ротозейство могли бы и на пику поставить.

– Кирьян, да прости ты его, – заступился за опального Егор Копыто, продолжавший находиться в благодушном настроении. – Не каждый день такой фарт подваливает.

Кирьян улыбнулся. На то он и пахан, чтобы улавливать общее настроение жиганов. Фарт валит, значит, и сам должен быть довольным. А нерадивого следует только пожурить, пусть знает, что пахан способен быть великодушным.

– За бабой он побежал... пока диван тащили, он ее в уголке зажимал. Кажись, свидание назначил.

- Так оно и было? – весело поинтересовался Кирьян.
- Да. Задержись мы подольше, так я бы ей вдул! – мечтательно протянул Антип.
- Ничего, еще успеешь, – подбодрил Гаврила.

Улыбаясь, Кирьян продолжал:

- Бабы деньги любят.
- Здесь такая прорва хрустов, что их на полжизни хватит.
- Это точно.

– Если ты такой любвеобильный парень, то я тебе еще и от себя могу добавить. – Кирьян сунул руку в карман и вытащил гривенник. Сунув его в ладонь жигану, сказал: – Держи!

Взяв монету, Антип удивленно спросил:

- Что это такое?

– А это и есть твоя доля. В следующий раз хлебалом торговать не будешь, а значит, и за бабами не станешь бегать.

– Кирьян, что-то я тебя не понимаю. Ты меня за шпану, что ли, какую-то держишь? – посуровел жиган. – Мне нужна моя доля!

Завод был уже далеко. Жиганов никто не видел. Только трубы, что коптили темным смрадом, подсматривали за ними из-за верхушек деревьев. Место тихое, безлюдное.

Подходящее место для убийства.

Жиганы, поотставшие с поклажей, бережно, как любезного товарища, поставили под куст диван, сели на него и, воспользовавшись неожиданным отдыхом, принялись сворачивать сигарки.

Разворачивался неожиданный спектакль, не хотелось бы ничего пропустить. Молодой поднял голос на пахана, и более опытные жиганы, встав полукругом, с интересом ожидали, как Кирьян будет сбивать ему рога.

Всем было известно, что Фартовый не прощал даже косого взгляда, брошенного в его сторону. А тут почти вызов! Воткнет финку в бок, перешагнет через распластанный труп и пойдет своей дорогой.

– Восстал, значит, – с интересом полюбопытствовал Фартовый.

Взгляд удивленный. Такой бывает только у сытого кота, следящего за нахальным мышонок, что пьет молоко из его блюдца. Сейчас он решал для себя простую задачу: придавить его лапой или все-таки понаблюдать, насколько далеко тот может зайти в своем нахальстве.

– Ты на кого голос поднимаешь, сявка? – добродушно поинтересовался Кирьян.

– Я дело говорю, Кирьян. Не по себе воз тащишь. А потом – у жиганов к тебе обиды накопились. Верно я говорю? – посмотрел Антип на жиганов, обступивших их полукругом.

На губах Курахина промелькнула снисходительная улыбка, мгновенно отозвавшаяся на лицах жиганов. Растет молодежь, чего тут скажешь. Ей палец в рот не клади!

– В прошлый раз, когда хату мануфактурщика Попова распотрошили, так ты себе все бриллианты забрал, а нам только часики да серебряную посуду оставил, – наседал Антип. – Ладно бы на дело камушки взял, а то ведь лярве своей отдал. А не шибко ли ей столько за одну ночь? Не дорого ли она нам всем обходится? Верно я говорю, жиганы? А может, она тебе подмахиывает так хорошо, что никакая другая не сумеет?

Мышонок оказался назойливым. Мало того, что бегаёт перед самым носом, так он еще и в миску нагадил.

– В общем, мы так с жиганами решили, теперь все поровну будет. А то, что ты себе щеманул, вернуть придется. – Жиганы потупили взоры – а это уже перебор! – Верно я говорю, жиганы? – повернулся Антип к братве, пытаясь отыскать хотя бы одно сочувствующее лицо.

– Посмотри сюда, – спокойно попросил его Кирьян.

Опасность стояла рядом. Она уже навалилась на Антипа всем своим немалым весом, вжимала его в землю, словно могильная плита. А молодой жиган, не чувствуя ее тяжести и могильного холода, продолжал упорствовать, все ближе подступая к бездне.

Все произошло стремительно. В одно движение Кирьян выдернул из-за пояса финку и воткнул ее под ребро молодому жигану. Тот охнул и округлившимися глазами посмотрел на убийцу.

– Хавать, значит, много захотел. Ну так хавай! – процедил Фартовый, туго провернув нож в боку.

Парень охнул и, с трудом преодолевая боль, простонал сквозь зубы:

– Так ты же меня убил, сука!

– А вот тебе за суку, – повернул еще раз Курахин.

Лицо молодого жигана перекошилось от муки. Он ступил шаг, потом второй, такой же крохотный. Парень еще стоял, беззвучно шелестел губами, даже, кажется, обращался к Кирьяну с каким-то вопросом, но в действительности он уже был не с ними. Его судьба уже никого не интересовала. Мысленно жиганы уже разделили его долю и, судя по удовлетворенным физиономиям, остались довольны неожиданным довеском.

Кирьян брезгливо отшвырнул нож и пожаловался:

– Испачкался!

– С него течет, как с пороса. Перышко-то по артерии прошлось. Вот и хлещет, – сдержанно заметил Егор Копыто. Вытащив из кармана платок, протянул его пахану: – Оботри куртку, вон как заляпал!

Зажимая ладонями рану, жиган качнулся, а потом его повело к кустам – стоявшие рядом шарахнулись от него, как от чумного.

– Да иди ты к лешему!

– Мешок отодвинь, – сказал Кирьян. – Ведь заляпает весь. Как потом через город потащим?

– Эх, надо было кожанку с него снять, – искренне огорчился Гаврила. – Такую вещь испортили!

– Ничего! Снимем еще с какого-нибудь красноперого.

Сквозь пальцы быстрой горячей струйкой стекала кровь, заливая полы куртки, крупными сгустками падала на колени, смешивалась с придорожной грязью. Силы оставляли молодого жигана. Подломившись в коленях, он упал под куст, коряво завалившись на согнутую руку.

– Надо было бы подальше его отвести, – посетовал рябой жиган с крупной вытянутой головой. Кликали его почему-то Калоша.

Калоша вышел из уркачей и на сахалинской каторге был «иваном». Жестокий, ни в чем не знавший удержу, он был приговорен к шестидесяти годам каторги. Однако сумел бежать, переплыв на утлом суденышке Татарский пролив. Покуролесив по Сибири, он был отловлен полицией как «не помнящий родства» и переправлен обратно на Сахалин, причем в тот же самый острог, откуда когда-то бежал. Калошу не выдали. Зная его отчаянный характер, даже надзиратели опасались узнавать в нем беглого арестанта. Отбыв положенные полтора года, он вернулся в Москву, где вскоре прибил к группе жиганов.

– Верно. А уже там грохнуть.

– Что теперь с ним делать?

Кирьян невольно скривился:

– Вы о покойнике печетесь, как о живом, – недовольно высказался он. – Забросайте его ветками, да и дело с концом. Никудышный был хлопец. А ведь я ему, стервецу, сказал машину какую-нибудь остановить. Егор!

– А?

– Пойдем на дорогу машину ловить.

Вышли на дорогу. Ждать пришлось недолго. К кирпичному заводу, лихо подсакивая на колдобинах, двигался грузовик. Пыль, клубившаяся следом за ним, оседала на кустах акации, росших вдоль дороги, серым ковром стелилась вокруг.

– Стоять! – выскочил на дорогу Кирьян, размахивая пистолетом.

Грузовик резко притормозил. Расстояние вполне достаточное, чтобы, развернувшись, повернуть на соседнюю улицу.

– Подай в сторону! – направил жиган «маузер» точно в растерянную конопатую физиономию шофера, совсем мальчишки.

Машина съехала на обочину. Подбежав к остановившейся машине, Курахин скомандовал:

– Я начальник Московской чрезвычайной комиссии Сарычев! На сегодня твоя машина поступает в наше распоряжение.

Подожли остальные жиганы. На лицах ни тени улыбки. Поставили около грузовика два больших мешка, покрякивая, опустили тяжеленный кожаный диван.

– По какому праву! Я сейчас должен ехать к товарищу Земцову! Вы знаете, кто он такой?!

– По праву революционной необходимости! Ты слышал о такой? – насупился Кирьян.

– Товарищи, но ведь надо как-то... – растерянно начал объясняться водитель.

– Ты, видно, не знаешь, что такое московская Чека? – суровым тоном перебил его Кирьян. – Мы тебе это можем растолковать в подвалах Лубянки.

– Хорошо, – поспешно закивал шофер.

Уже примирительным тоном, глядя прямо в растерянные глаза парнишки, Кирьян продолжал:

– Понимание нужно иметь, товарищ! Контра голову поднимает, продохнуть не дает честным гражданам. А ты саботажем занимаешься.

– Да я вовсе не саботажник! – в возмущении воскликнул парень. – Но сейчас электростанцию нужно запускать, а я провода должен срочно подвезти. А вы у меня грузовик забираете. Что же в таком случае я товарищу Земцову скажу?

– Правду надо говорить, товарищ, – назидательно вещал Фартовый. – Без правды мы никогда не построим наше светлое будущее. Помещики нам врали, попы нам врали! Царь нам тоже постоянно врал. Никому веры нет! Оглянуться – так все построено на сплошном вранье... И вы хотите им уподобиться?

– Нет, но...

– Вот видите, товарищ. Вы сознательный гражданин. Именно с такими, как вы, мы контре хвост и прижмем! Вы согласны со мной?

– Согласен, но...

– Загружайтесь, товарищи чекисты, – повернулся Кирьян к жиганам.

Первым в кузов взобрался Гаврила.

– Чего встали? Давайте сначала грузить улики, а потом все остальное.

Бережно подхватив мешки с деньгами, жиганы аккуратно уложили их в кузов. Кряхтя, втащили в кузов диван. После чего расторопно взобрались сами.

– Вы мне напишите какую-нибудь бумагу, что я чекистам помогал, – робко обратился водитель к Кирьяну, по-детски шмыгнув носом. – А то, сами понимаете, начальство у нас строгое, уволить может.

Изобразив понимание, Кирьян согласно кивнул головой:

– Сделаем все как положено, дорогой мой товарищ. Для кого мы контрреволюционную гидру душим? Для таких вот честных и понимающих людей. Чтобы жилось нам всем лучше. Я правильно говорю, товарищи? – серьезно спросил Курахин у жиганов, разместившихся в кузове.

– Все так, товарищ Сарычев, – бодро поддержал его Егор Копыто.

Вытащив листок бумаги с карандашом, Кирьян быстро написал на нем несколько строчек.

– Можешь смело передать эту бумагу товарищу Петерсу. Тебе еще и деньги дадут за помощь чекистам, товарищ. На много, конечно же, не рассчитывай, но рабочий день оплатят полностью. Тебе все понятно?

– Как не понять, – отвечал повеселевший шофер, бережно укладывая в карман сложенный вчетверо листок бумаги. – Счастливой дороги.

– Николай, – обратился Фартовый к Кольке-шоферу, – давай садись за руль!

Глава 11

ПАЛАЧ ДЛЯ САРЫЧЕВА

– Яков Христофорович, это какая-то ошибка! – кричал в трубку рассерженный Сарычев. – Я не имею никакого отношения к обыску у академика Сереброва. В это самое время я был совершенно в другом месте... Своих людей я тоже туда не направлял. Просто кто-то из бандитов прикрылся моим именем и сыграл со мной злую шутку... Да, товарищ Петерс, я уже в курсе... На этот кирпичный завод уже отправилась оперативная группа... Хозяин завода сейчас находится у меня... На станции мы обнаружили труп мужчины. Хозяин завода узнал в нем одного из грабителей. Именно этот налетчик был в составе конвоя, когда отбивали Фартового. Скорее всего утечка информации проходила через него... Что между ними произошло, не совсем понятно. Чего-то не поделили... Я думаю, что это дело рук банды Кирьяна Курахина. Вот именно, мой старый знакомый. Только ему могла взбрести в голову такая идея – скомпрометировать меня. Мы принимаем самые серьезные меры. Учту, товарищ Петерс.

Положив трубку, Сарычев глубоко вздохнул:

– Уф!

Строго посмотрев на хозяина кирпичного завода, продолжавшего неловко топтаться около стола, добавил:

– Да вы садитесь!

– Спасибо.

– А вы говорите, вернуть деньги... Вам еще повезло!

– В чем же, разрешите вас спросить, повезло?

– В том, что вы еще остались живы. И богу должны молиться! – Махнув безнадежно рукой, Игнат добавил: – Хотя в наше время в бога не очень-то верят. Вот что я вам хочу сказать, где бы Кирьян ни появлялся, он обязательно кого-нибудь прихлопнет. Поезд грабил – три трупа. В мануфактурную лавку заглянул – еще пара! На кирпичном заводе вроде бы без жертв обошлось, но зато потом одного зарезал. Правда, своего... Но это черт с ним! Нам только от этого лучше будет, меньше всякой поганой твари по земле будет ползать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.